

Е.Д. Островенко

ИМАМ ГАЗАЛИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. Д. ОСТРОВЕНКО

ИМАМ ГАЗАЛИ

МОСКВА
ИВ РАН
2021

ББК 63.3

О-77

Ответственный редактор

В. В. Наумкин

Рецензенты

Д. В. Микульский и В. А. Кузнецов

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

Островенко Е. Д.

О-77 Имам Газали / Отв. ред. В. В. Наумкин; Ин-т востоковедения
РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 122 с. : ил.

ISBN 978-5-907384-58-3

В книге рассказывается о выдающемся мусульманском мыслителе иранского происхождения – имаме Мухаммаде Газали (1058–1111) и об эпохе, в которой он жил и творил.

Предназначается тем, кто интересуется историей Ирана и мусульманского Востока в целом.

ISBN 978-5-907384-58-3

© Островенко Е. Д., 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

«Абу Хамид ал-Газали (450/1058-59—505/1111) — мутакаллим-ашарит, шафиитский правовед, суфий, философ — был одной из самых ярких фигур мусульманского Средневековья, чьи многочисленные труды вошли в историческую сокровищницу мусульманской мысли».

Академик В. В. Наумкин

Часть I

**ИМАМ ГАЗАЛИ – ПЕРВЫЙ
ИРАНСКИЙ
ХОДЖАТОЛЬЭСЛАМ**

---

1. Исторические, теологические и страноведческие аспекты темы

*Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их Пророка
Неволью сблизили.*

М. Ю. Лермонтов.
Валерик

В силу специфических особенностей государственного устройства сегодняшнего Ирана как Исламской республики термин *ходжатольтэслам*¹, означающий в дословном переводе «доказательство (или довод) ислама», прочно вошёл сейчас в общеполитический обиход. Ходжатольтэсламом является президент страны Хасан Рухани. Этим же почётным титулом был облечён во время Исламской революции нынешний Верховный глава Ирана Сайед Али Хаменеи, им обладали, да и сейчас обладают, многие иранские государственные и общественно-политические деятели.

Современные средства массовой информации настолько часто и широко употребляют этот термин, что вполне закономерно может возникнуть вопрос: кто же был первым в истории Ирана ходжатольтэсламом?

Имеющиеся на этот счёт документальные свидетельства позволяют сделать вывод о том, что первым (или же одним из первых, оставшихся в исторической памяти)

---

¹ В арабском произношении – *худжжатуль-ислам*.

удостоился чести обладания этим титулом имам Мухаммад² Газали, а в арабском варианте написания его имени — Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад аль-Газали ат-Туси³, больше известный на Западе как Al-Ghazali, Algazelus или Algazel.

Улица имама Газали, примыкающая к территории
Посольства России в Тегеране

Происходил имам, как это явствует из заключительного компонента его имени из расположенного на северо-востоке нынешнего Ирана древнего города Туса. Тус входил тогда в Арабский халифат⁴, но лишь формально, поскольку фактически правили им, как и всем Ираном, сельджукские султаны, считавшиеся наместниками халифов.

Сельджуки были ветвью одного из огузских племен, обитавших в степях севернее Каспийского и Аральского морей⁵. В конце X века они приняли ислам и начали

---

² В каноническом произношении на персидском языке — Мохаммад (Мохаммад).

³ Ат-Туси — из города Туса. В Иране имама Газали чаще называют «аш-шафэи», то есть *шафит* (о значении этого термина см. на с. 16), а слово «Абу» заменяют в том же значении на «Аби».

⁴ Обширное государство, возникшее после мусульманских завоеваний, случившихся в VIII веке. Во главе Халифата стояла тогда Аббасидская династия.

⁵ Творивший на фарси великий суфийский поэт Джалаладдин Руми (1207–1273), цитаты из произведений которого будут использоваться в качестве эпиграфов ко всем трем главам (*фаслям*) «Повествования

продвигаться на территории мусульманского мира. Инициировал этот судьбоносный для народов региона процесс вождь племени по имени Сельджук, который и дал название династии.

Захватив со временем Хорасан⁶, тогдашний предводитель огузов Тогрул-бек провозгласил себя в 1038 году в Нишапуре султаном. Созданное им Великое Государство стало именоваться Сельджукским в память об упоминавшемся ранее племенном вожде огузов, предопределившем их небывалое возвышение.

Сразу же надо пояснить, что высокочтимое среди мусульман именование того или иного религиозного деятеля имамом неизмеримо выше и значительнее по своей сути, чем ходжательэслам, и восходит по времени к началу пророческой миссии Мухаммада как Посланника Аллаха.

Имам — это предстоятель на молитве, глава мусульманской общины, её духовный руководитель. И первым имамом в истории ислама выступал во всех этих высоких качествах сам пророк Мухаммад, а после его смерти — халифы, то есть его заместители.

Со временем имамами стали называть крупнейших религиозных авторитетов, основателей богословско-правовых толков и школ в исламе, а также, по исполняемым функциям, руководителей общих молитв мусульман, в том числе в мечетях. Мухаммад Газали был признан в расцвете своей славы имамом в первом значении этого исключительно важного для мусульман понятия.

о жизни имама Газали», составляющего вторую часть этой книги, так охарактеризовал образ жизни огузов:

*Разбой в стенах привольных полюбя,
Огузы налетели, пыль клубя.*

⁶ Хорасан — историческая область северо-восточного Ирана. Само слово *хорасан* пришло из среднеперсидского языка, в котором означало «восток» или — в более поэтическом осмыслении — «Земля, где восходит солнце».

За несколько лет до этого, после трёх лет преподавания в Низамийя⁷ Багдада, он был публично назван *ходжатоль-эсламом*. Уже в этом качестве Мухаммад Газали участвовал в 1094 году в церемонии приведения к присяге 28-го аббасидского халифа⁸ Ахмада аль-Мустазхира Биллаха.

У шиитов (а Газали был всю свою жизнь убеждённым суннитом) понятие имам имеет существенные нюансы. В своём наивысшем предназначении он воспринимается у них как непререкаемый лидер мусульман-шиитов, прямой продолжатель дела пророка Мухаммада, верховный духовный авторитет, законный и полномочный представитель Аллаха на земле⁹.

Стало другим у иранских шиитов и восприятие титула *ходжатольэслам*. Если во времена Мухаммада Газали его присвоением подчёркивался, прежде всего, высокий уровень теологических знаний того или иного конкретного религиозного деятеля, то сейчас это также важный показатель его положения и значимости в общей совокупности шиитского духовенства всей страны, необходимый этап в его дальнейшем теологическом самосовершенствовании и признании в качестве ещё более значимой и авторитетной в среде шиитского духовенства фигуры, такой как аятолла¹⁰.

---

⁷ Знаменитое в мусульманском мире того времени высшее учебное заведение, созданное в столице Халифата по распоряжению Низам аль-Мулька, о котором будет говорится ниже, и названное в его честь. В иранском варианте — Низамийе.

⁸ Глава мусульманской общины, замещавший пророка Мухаммада.

⁹ Подробнее об этом см. книгу автор: Островенко Е. Д. 30 лет с Афганистаном и Ираном. Страноведческие записки. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 252–253.

¹⁰ Титул «аятоллы» имеет, в частности, нынешний Верховный глава Ирана Сайед Али Хаменеи. Для получения более развёрнутой информации по вопросам, касающимся иранского шиитского духовенства, см. соответствующий раздел в уже упомянутой книге автора: Островенко Е. Д. Указ. соч. С. 237–250.

Предводитель огузов принимает своих сановников.
Миниатюра из написанного на персидском языке
исторического сочинения Джами ат-таварих
 («Сборник летописей»), автором которого считается
Рашид ад-Дин¹¹. 1528–1529.

Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека

И у суннитов, и у шиитов широко применялся и применяется поныне ещё один почётный термин, используемый по отношению к представителям духовенства, — *шейх*, или в изначальном арабском звучании — *шайх*, в значении

¹¹ Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абуль Хайр Али Хамадани (1247–1318) — иранский государственный деятель и учёный-энциклопедист периода господства монгольской династии Хулагуидов.

«старшина» или «глава племени». Со временем так стали величать не только крупных религиозных авторитетов и особо благочестивых людей, но и учителей религиозных дисциплин.

Шейхом имама Газали могли называть и называли по получении им базисного теологического образования. В качестве основной составной части официального именованя Мухаммада Газали этот титул в истории не закрепился. Он воспринимался и воспринимается сейчас не иначе как имам.

Родной для Мухаммада Газали город Тус был знаменит в пору его жизни тем, что уже дал к тому времени мусульманско-иранскому миру таких выдающихся личностей, как широко известный национальный поэт Ирана, Афганистана и Таджикистана Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси¹² Туси (935–1020) и Великий визирь¹³ сельджукских султанов Абу Али аль-Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Туси (1018–1092), вошедший в историю под своим

---

¹² Этот его поэтический псевдоним переводится как Райский. Фирдоуси является автором уникального героического эпоса «Шахнаме» — в переводе «Книга царей». Несмотря на такое якобы говорящее само за себя название эпоса, поэт на деле воспевает в нём не царей как таковых, а в изысканной поэтической форме излагает через рассказ об их жизни мифологизированную историю доисламского Ирана, последовательно проводя при этом мысль о неизбежности победы добра над злом. С полным основанием эта грандиозная книга может восприниматься как «Царь-книга» персидской поэзии.

¹³ Понятие «визирь» (или «везир») является производным от наличествующего в Коране слова *вазир*, употреблённого в значении «помощник». При Сельджукидах, как и многих других правивших в Иране династиях, это слово обозначало, особенно если визирь именовался Великим, второе после монарха лицо в государстве, непрерываемого главу его административно-исполнительного аппарата. Со временем, не без влияния извне, слово «вазир» стало пониматься и понимается сейчас, в частности в персидском языке, как министр.

почётным прозвищем — *лакабом* Низам аль-Мульк¹⁴, что означает в русском переводе «порядок государства».

При изложении конкретных фактов из жизни и научных деяний имама Газали в качестве основных источников информации использовались его собственные труды, а также другие оказавшиеся доступными автору свидетельства, документы, специальные энциклопедические издания, научные исследования и публикации российских и иностранных учёных и специалистов-востоковедов, посвящённые как самому имаму и его трудам, так и соответствующему периоду в истории Ирана и Ирака.

Объём такого рода материалов чрезвычайно велик. Помимо многочисленных и в большинстве своём капитальных трудов самого имама¹⁵, которые издаются в оригинале на арабском и частично на персидском языках, а также в переводах, в том числе на русский язык, имеется немало специальных работ, исследований и разного рода публикаций об этих трудах и их авторе, написанных на разных языках. В западном исламоведении существует даже особый жанр литературы об имаме Газали — так называемая Газалиана.

С учётом иранского происхождения имама Газали не может, естественно, не представлять интереса книга «Побег¹⁶ из медресе. О жизни и мыслях Абу Хамеда Газали» (Тегаран, 1974), которая была написана выдающимся

---

¹⁴ В Иране он более известен как Ходжа Низам аль-Мульк Туси. В персидском языке слово *хадже* означает мудрец, господин, хозяин, учитель, а также человек, пользующийся уважением и влиянием в обществе. Короче говоря, в те времена это была форма исключительно уважительного именованья выдающихся по тем или иным причинам людей.

¹⁵ По оценкам компетентных специалистов, имам Газали написал около ста произведений.

¹⁶ На персидском языке — *фарар*, فرار. Именно это слово используется и в словосочетании «побег от себя» (فرار از خود) — аллюзия, несомненно, оказавшая влияние на выбор названия книги.

иранским учёным, большим знатоком истории, религии и литературы своей страны Абдольхосейном Зарринкубом. Квинтэссенцией этого большого по объёму произведения (более чем 200 страниц персидского текста) нужно считать тезис о том, что жизнь имама и, прежде всего, тот её период, который А. Зарринкуб называет «побегом Газали из медресе»¹⁷, является героической. По его мнению, жизнь Газали научила исламский мир тому, что во имя истинных духовных ценностей человек может пожертвовать всем, чем обладает.

При работе над второй частью предлагаемой читателю книги — «Повествованием о жизни имама Газали»¹⁸ автор уделил, разумеется, должное внимание не вызывающей сомнения информации о нём и его жизни, содержащейся в упомянутом выше труде Абдольхосейна Зарринкуба.

Обширна и разнообразна литература об имаме Газали на русском языке. Она включает в себя как высококачественные научные исследования и диссертации отечественных и таджикистанских учёных-исламоведов, так и основывающиеся на сочинениях имама публикации практического плана, разъясняющие последователям мусульманской религии наиболее актуальные вопросы теории и практики ислама.

Есть и кинофильмы, посвящённые имаму, в частности весьма информативный многосерийный художественный фильм «Имам аль-Газали» производства Сирийской Арабской Республики. Претендующие на достоверность факты из этого фильма, касающиеся, в первую очередь, важных деталей жизни имама, были, естественно, учтены при написании «Повествования».

---

¹⁷ Имеется в виду уход имама Газали из Багдада в расцвете заслуженной славы ради многолетней жизни отшельника.

¹⁸ Далее будет применяться для краткости название «Повествование».

Прижизненных изображений имама Газали не обнаружено, не исключено, что их вообще не существовало. Нет и достоверных описаний его внешности, сделанных современниками. Судить поэтому о том, насколько адекватно отражают его действительные черты встречающиеся сейчас в Интернете портреты и его кинематографический образ, практически невозможно.

Лично мне имам представляется благородным человеком среднего роста с правильными чертами лица, выразительным одухотворенным взглядом, аккуратно подстриженными усами и бородой, одетым в традиционную одежду мусульманского духовного лица, неизменным компонентом которой была чалма, повязанная в строгом соответствии с традициями того времени.

Именно такой образ имама Газали был, на мой взгляд, весьма удачно воссоздан в упоминавшемся выше сирийском художественном сериале.

Поскольку произведения имама Газали, его взгляды и их нередко противоречивые оценки глубоко и всесторонне проанализированы в работах академика В. В. Наумкина¹⁹ и некоторых других востоковедов, такого рода вопросы не будут затрагиваться в «Повествовании». Не намерен автор и, более того, не считает для себя возможным, и излагать какую-либо трактовку этих вопросов, тем более собственную. Свою цель он видит совсем в другом: рассказать российскому читателю, что в середине XI — начале XII века на нашей планете жил выдающийся мусульманский мыслитель имам Мухаммад Газали, который пытался разобраться в сути земного и духовного

---

¹⁹ См., в частности: Наумкин В. В. Абу Хамид ал-Газали. Ихйа Улум ад-Дин (перевод с арабского, исследование и комментарий). М., 1980; Наумкин В. В. Абу Хамид ал-Газали. «Правильные весы». Перевод с арабского, исследование и комментарий. М., 2008.

бытия. Автору хотелось бы, чтобы имя этого замечательного человека стало более известным в широких кругах нашей читающей общественности.

Как указал академик В. В. Наумкин в вынесенной в качестве эпиграфа к данной книге цитате²⁰, имам Газали был мутакаллимом-ашаритом, шафиитским правоведом, суфием и философом.

Мутакаллим — мусульманский теолог, занимающийся так называемым *каламом*, то есть толкованием догм ислама на основе разума, а не *таклида* или, иначе говоря — следования устоявшимся мнениям религиозных авторитетов.

Ашаритами называют последователей одной из основных школ калама, основоположником которой считается исламский теолог Абул Хасан ал-Ашари (873–935).

Шафииты — последователи толка в исламе, основанного имамом Мухаммадом аш-Шафии на стыке VIII–IX веков.

Правовед, или по-арабски **факих**, — знаток *фикха*, то есть мусульманского богословско-правового комплекса, основы основ ислама. **Шафиитский правовед** — это, соответственно, *факих*, толкующий *фикх* в шафиитском понимании.

Суфизм (*ат-тасаввуф*, или по-персидски *тасаввоф*) — мистико-аскетическое направление в исламе, сыгравшее важную роль в формировании общемусульманского мировоззрения. **Суфий**, соответственно, — последователь этого течения.

В контексте рассматриваемой темы термин **философ** может, как минимум, пониматься в двух конкретных смыс-

---

²⁰ См.: Ал-Газали, Абу Хамид. Правильные весы (ал-Кустас ал-Мустаким) / Предисл., пер. и коммент. В. В. Наумкина; Ин-т востоковедения РАН. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2018.

лах — так, как он применялся во времена имама Газали, и так, как мы воспринимаем его сейчас. В первом случае им называли мусульманских теологов, которые ориентировались на античные модели философствования и приводили получаемые ими таким путём выводы в формальное соотношение с буквой и духом Корана. Имам Газали подвергал их критике, за что даже получил прозвище «сокрушителя философов». К нашему сегодняшнему пониманию слова «философ» это, разумеется, прямого отношения не имеет. Так что самого имама можно сегодня с полным основанием назвать, как это и сделано в приводившейся выше цитате из труда академика В. В. Наумкина, философом.

В связи с употреблённым при разъяснении термина *мутакаллим* понятием *таклид* необходимо добавить, что согласно некоторым свидетельствам имама Газали, помимо уже упоминавшихся ранее почётных титулов, называли на вершине его славы также и *марджа ат-таклид*²¹, то есть «источник для подражания».

В шиитском Иране следование мнениям духовных авторитетов превратилось со временем в один из важнейших религиозных институтов. Считается, что каждый мусульманин-шиит обязан следовать в своих повседневных делах наставлениям или же прямым указаниям наиболее авторитетного в его понимании и, что немаловажно, здравствующего духовного лица высшей теологической квалификации.

При жизни основателя Исламской Республики Иран имама Рухоллы Мусави Хомейни именно он был самым популярным, если не всеобщим, «источником для подражания».

---

²¹ На персидском языке — *марджае таклид*.

Поскольку речь в «Повествовании» пойдет именно о жизненном пути имама Газали, следует сразу же оговориться, что в биографиях имама, составленных теми или иными авторами и исследователями, имеется немало несостыковок, а основные этапы его жизни, начиная уже с детства и юношества, излагаются и тракуются по-разному. Особенно много «белых пятен» в биографии имама приходится на период его одиннадцатилетнего отшельничества. Встречаются расхождения в датах, порядке и целях переезда имама из одного города Халифата в другой, в обстоятельствах его семейной жизни. Не проливает свет на всё это и так называемая автобиография имама²², поскольку написал он её не для того, чтобы поведать в деталях историю собственной жизни, а чтобы рассказать о том, как складывались и развивались в ретроспективном плане его теологические воззрения.

С учётом всего этого автор никоим образом не претендует на адекватное во всех отношениях изложение жизни великого ученого во второй части книги, хотя и стремился именно к этому. Необходимо также иметь в виду и неизбежность наличия в тексте «Повествования» художественного вымысла, свойственного избранному при её написании литературному жанру. Жизнь имама показана такой, какой она могла бы быть, как один из её возможных вариантов, воссоздаваемый на основе имеющейся информации, исторических свидетельств и базирующегося на них авторского представления.

---

²² «Избавление от заблуждений» (*Al-Monqed men al-zalat*).

Что касается неясностей личностного плана, то они возникают уже с *нисбы*²³ и *куньи* (принятого у арабов именованья по сыну²⁴) имама.

Нисба Газали пишется двояко: с одним звуком персидской буквы «зе» и с его удвоением (на письме со знаком *ташдид*). Первый вариант написания является преобладающим, особенно на арабском языке, и именно он был взят поэтому за основу при работе над книгой.

Встречается, однако, в том числе в Иране, у нас, да и в некоторых других странах, и второй вариант написания *нисбы* имама: с *ташдидом*. Так, в авторитетном «Персидско-русском словаре» мирзы Абдуллы Гаффарова²⁵ имеется отдельная статья «غزالی» Газзали, прозв. (прозвище. — Е. О.) имама Абу Хамида Мохаммеда ал-Газзали». Добавим, что в слове Хамид стоит ударение над буквой *a*. Это понадобится нам, когда будем говорить ниже о *кунье* имама.

Чтобы было понятно, для чего был процитирован словарь, поясню, что в персидском языке существует заимствованное из арабского слово *газзал*, означающее в дословном переводе «прядильщик», а в развёрнутом варианте — «тот, кто производит или же продаёт пряжу». Отец имама действительно занимался именно этим. И называли его поэтому *газзал*²⁶. Так что, если производить по не отягощённым тонкостями арабской грамматики правилам *нисбу* сына *газзала* от профессии отца,

---

²³ *Нисба* — имя, обозначающее социальную и другую принадлежность человека, в частности по месту его рождения.

²⁴ Считается, что именно так называл своих собеседников, желая проявить к ним уважение, пророк Мухаммад.

²⁵ Мирза Абдулла Гаффаров (сост.) Полный персидско-русский словарь. Т. 2. М., 1927. С. 580.

²⁶ В источниках на персидском языке говорится о том, что отец имама занимался шерстопрядением, то есть изготовлял шерстяную пряжу.

то она вполне могла бы звучать как Газзали. В таком прочтении её понимал, в частности, наш знаменитый востоковед академик В. В. Бартольд²⁷. Это же написание предпочитал и выдающийся чешский востоковед-филолог Ян Рипка (Рыпка, Rypka)²⁸. В «Энциклопедии Ираника» (“Encyclopædia Iranica”) нисба имама с ташдидом называется одним из вариантов её написания (variant name). В титрах упоминавшегося ранее сирийского фильма «Имам ал-Газали» при написании нисбы имама на арабском языке также применён ташдид.

Продолжать дальше этот перечень, думаю, необходимости нет, поскольку, согласно существующему в осведомлённых мусульманских кругах мнению, сам имам якобы предпочитал такой вариант произношения своей нисбы, который не предусматривал удвоения. Кстати, он также, как считается, производил собственную нисбу не от профессии отца, а от непосредственного места своего рождения – включавшегося в состав города Тус селения Газале²⁹.

Теперь о кунье имама – Абу Хамид (ابو حامد). Она звучит и выглядит на русском и пользующихся латинским шрифтом иностранных языках так, будто имя сына имама было Хамид (حميد). На самом же деле его звали, если произносить это имя на персидский лад, Named³⁰, что предполагает наличие в нём отсутствующей в написании арабским шрифтом второго приведённого имени буквы *алеф*,

---

²⁷ Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. С. 171.

²⁸ См.: Рипка Я. История персидской и таджикской литературы. М., 1970.

²⁹ В одном из своих значений это слово может пониматься как «солнце».

³⁰ В «Энциклопедии Ираника» (“Encyclopædia Iranica”) кунья имама Газали обозначена именно как – Named.

то есть так, как на самом деле воспроизводится это имя в арабской графике.

Для иранцев арабские по происхождению имена Хамид и Хамед близкие, производные от одного и того же корня, но имеющие отличающиеся друг от друга значения. Хамид (Hamid) означает «достойный похвалы, восхваления, одобрения» или же «похвальный», а Хамед (Hamed) — «благодарный, признательный», «прославляющий» и «хвалящий». Согласитесь, акценты в этих именах расставляются по-разному. А для неиранцев многое в их восприятии будет зависеть от того ударения, о котором упоминалось выше, в связи с цитированием словаря мирзы Абдуллы Гаффарова. Часто употребляемое иранцами, да и афганцами, имя Хамед будет более приемлемым для восприятия араба именно с ударением на первый слог и станет тогда почти идентичным Хамиду.

Следует далее сказать, что карта территории Ирана выглядела в те годы, когда жил имам Газали, иначе, нежели сейчас.

Тегеран столичным городом ещё не был. Он им станет значительно позднее, при основателе Каджарской шахской династии Ага Мухаммед-хане — в 1786 году. Тогда же, при имаме Газали, он представлял собою малозначительный населённый пункт.

Зато рядом процветал один из старейших иранских городов Рей, ставший сейчас одноимённым тегеранским предместьем. По некоторым историческим свидетельствам, Рей не уступал по размерам столице Халифата Багдаду, городу, заложенному только в конце июля 762 года на западном берегу реки Тигр. При основателе Сельджукской державы Тогрул-беке Рей считался её столицей. В таком же качестве он выступал наряду с Нишапуром и при преемнике Тогрул-бека — Алп Арслане.

Примерно в 30 километрах ниже от Багдада по уже упоминавшейся реке Тигр располагался некогда огромный город Ктесифон, зимняя столица иранского царства Сасанидов. Он канул в небытие после того, как был захвачен арабами, так и не сумев восстановить свою прежнюю роль и значение, особенно после основания Багдада.

При третьем «великом сельджуке» — Малек-шахе³¹ (правил в течение 20 лет — с 1072 по 1092 год) столицей Сельджукского государства был древний город Исфаган³², всегда игравший важную роль в иранской истории.

На посещавшего этот город примерно в 1052 году, за несколько лет до рождения имама Газали, видного персидского поэта, философа, религиозного деятеля исмаилитского толка и путешественника Насира Хосрова этот город произвёл самое благоприятное впечатление. Как он написал в своей «Книге о путешествии» («Сафар-наме»), «во всех землях, где говорят на персидском языке, я не видел города лучше, совершеннее и благоустроеннее Исфагана».

Главной достопримечательностью города он назвал существующую и поныне «большую красивую соборную мечеть». В одном из порталов этой мечети можно увидеть памятную доску с упоминанием имён Малек-шаха и Низам аль-Мулька.

Существовавшие с давних пор и долгое время игравшие видную роль в истории страны Нишапур (Нишабур, в арабском варианте — Найсабур) и Тус воспринимались тогда городами более значительными, нежели сейчас.

Нишапур в течение многих лет являлся реальной столицей Сельджукской державы со всеми вытекавшими из

---

³¹ Существуют и другие варианты написания его имени, в частности Малик-шах и Мелик-шах.

³² В персидском произношении — *Эсфahan*.

этого последствиями. Его любил и считал родным, как, разумеется, и Тус, знаменитый сельджукский визирь Низам аль-Мульк.

Тус был большим по площади и состоял из нескольких самостоятельных частей, имевших каждая своё название³³ и представлявших в совокупности то, что непосредственно считалось городом. Тусом именовался также и весь прилежавший к городу округ.

Известный ещё со времён Ахеменидов³⁴ прикаспийский город Горган, в котором впоследствии учился имам Газали, официально назывался тогда на арабский манер Джурджаном. Видные учёные из этого города именовались поэтому Джурджани, то есть из Джурджана. Видимо, иранское звучание такого *насаба*, как Горгани, должного эффекта в тогдашнем высшем свете не производило. Местное население, конечно, называло свой город по-старому — Горганом³⁵.

Во многих работах, посвящённых имаму Газали, говорится, что он в течение нескольких лет жил в городе Моаскаре, у Низам аль-Мулька. Такого города в Иране не было и нет. Зато под этим названием в иранской истории известен один из районов города Нишапура. О месте, называемом по-арабски *المعسكر* («военный лагерь»), в котором размещалась соборная мечеть Нишапура, говорится, в частности, в уже упоминавшемся выше ценном труде академика В. В. Бартольда³⁶. Думается, что именно

---

³³ В частности — Таберан и Нукал.

³⁴ Ахемениды — царская династия, правившая Древним Ираном с 550 года до н.э. до 330 года до н.э. Осенью 1971 года тогдашний шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви торжественно отмечал дату их воцарения как 2500-летний юбилей иранской монархии.

³⁵ В основе названия лежит персидское слово *gorg* — волк. Горган можно перевести как «Земля волков».

³⁶ Бартольд В. В. Указ. соч. С. 66.

здесь, в «военном лагере» Моаскар и располагался двор, штаб-квартира или же ставка Низам аль-Мулька, наряду с другими обязанностями отвечавшего в Сельджукском государстве и за военное дело. В Нишапурском Моаскаре многоопытный визирь вполне мог привечать видных учёных и литераторов и проводить с ними свои ставшие знаменитыми по всей стране дискуссионные встречи, называвшиеся *маджлесами*³⁷. Их участникам выдавалось щедрое денежное вознаграждение, они обеспечивались комфортным жильём, изысканной одеждой и питанием.

Чтобы получить более полное представление об Иране эпохи имама Газали, полезно учитывать существовавшую тогда на его территории языковую ситуацию. Официальным языком страны как части Халифата формально считался в те времена арабский, однако на деле он уже заменялся персидским. Так, например, традиционно приписывающийся сельджукскому визирю Низам аль-Мульку трактат «Сиясат-наме» («Книга о правлении»)³⁸ был написан не по-арабски, а по-персидски.

Авторство этого трактата уже давно вызывало и вызывает вопросы, хотя вряд ли вообще когда-то были и существуют сейчас веские основания полагать, что такое фундаментальное произведение, как «Книга о правлении», могло быть целиком и полностью написано перегруженным ответнейшими государственными делами Великим сельджукским визирем Низам аль-Мульком. В лучшем случае он мог сам написать или же, скорее, продиктовать какие-то

---

³⁷ В русском языке это арабское по происхождению слово известно в форме *маджлис*. В изначальном значении — «место сидения, заседания или собрания».

³⁸ Вопросу об авторстве этого трактата посвящена книга санкт-петербургского востоковеда А. А. Хисматуллина «Сиясат-нама / Сийар ал-Мулюк. Подделка, приписанная Низам ал-Мулюку» (Санкт-Петербург – Москва, 2020).

наиболее важные, на его взгляд, части «Сиасат-наме», сформулировать основные тезисы сочинения и, возможно, отредактировать его окончательный текст.

Принципиально важным в этом плане представляется то, что Низам аль-Мульк действительно имел самое непосредственное отношение к написанию или же составлению трактата, поскольку сделать это поручил ему сам султан Малек-шах. И кто в большей степени непосредственно водил пером (правильнее же, конечно, каламом³⁹) по листу бумаги, в конце концов, не столь уж и важно. Как бы то ни было, «Сиасат-наме» (или в другом названии — Сийар ал-Мулук «Житие владык») в любом случае, под именем визиря или же нет, является исключительно важным документальным свидетельством того уже очень далёкого от нас времени.

Нельзя не обратить поэтому внимания на сделанный таким компетентным специалистом по проблематике сельджукского периода в истории Ирана, как А. А. Хисматуллин, однозначный вывод о том, что трактат, о котором идёт речь, есть не что иное, как «подделка, приписанная Низам оль-Мольку». Можно было бы привести целый ряд аргументов, свидетельствующих не в пользу такого категоричного заключения, чего, однако, не позволяет сделать формат книги, посвящённой имаму Газали. Ограничусь поэтому лишь одним принципиальным замечанием.

---

³⁹ Просьба не путать это слово с ранее упоминавшимся термином *калам*. Это абсолютно разные слова — как по написанию на языке оригинала, так и по смыслу. *Калам* (قلم), о котором идёт речь выше, означает тростниковое перо, а встречающийся ранее в тексте термин (كلام) употребляется по отношению к определённой форме теоретического мусульманского богословия.

*Амир*⁴⁰ Абдуллах Мухаммад Муиззи Нишапури, которого А. А. Хисматуллин считает компилятором «Сиясат-наме» и называет главой департамента поэтов при сельджукских султанах Малик-шахе и его сыне Санджаре, в истории персидской поэзии фигура хорошо известная. Он был видным поэтом и является, по мнению уже упоминавшегося ранее чешского востоковеда-филолога Яна Рипки, одним «из первостепенных мастеров панегирической касыды»⁴¹. Вряд ли такому обласканному и пригретому султанами одарённому поэту был какой-то резон компилировать трактат, производя при этом невероятный объём работы, и тем более приписывать её Низам аль-Мульку, уже отстранённому, как явствует из имеющихся исторических свидетельств, султаном Малек-шахом с поста визиря.

На персидском языке была написана и упоминавшаяся выше «Книга о путешествии» Насира Хосрова.

Сочинения же по исламским наукам продолжали составляться, по понятным причинам, преимущественно на арабском языке. Имам Газали, написавший на заключительном этапе своей жизни несколько работ на персидском языке, и его брат Ахмад, о котором будет говориться в «Повествовании», внесут коррективы и в эту практику.

На арабский язык народ Ирана не перешёл, сохранив собственный. Иран не повторил судьбы Месопотамии,

---

⁴⁰ Титул *амир* («начальник») был присвоен Муиззи султаном Малек-шахом и означал его признание главным поэтом того времени с назначением, как полагалось, щедрого денежного вознаграждения. В развернутом виде он выглядел как *Амир аш-шоара*, то есть «Амир поэтов». Позднее этот почётный титул преобразуется в Иране в *Малек аш-шоара* («Царь поэтов»).

⁴¹ *Касыда* — поэтическая форма, широко распространённая у народов Ближнего и Среднего Востока. На русский язык может переводиться как ода.

Сирии и Египта. Подпав на несколько веков под влияние арабского языка, он глубинно обогатил родную речь новой лексикой, заимствованной из этого языка, и более продвинутой и приспособленной к изменившимся геополитическим условиям системой письма. Заимствования чужой лексики происходили не механически, а с учётом общего строя и фонетических особенностей собственного языка. Выбывавшиеся из его мягкого звучания арабские слова иранцы произносили по-своему, без механического копирования не свойственной их языку звуковой тональности, прежде всего гортанных и межзубных звуков.

Органически вписавшийся в их язык большой пласт арабской, прежде всего исламской, лексики значительно облегчил иранцам процесс восприятия новой религии. Её также иранцы принимали не механически, а пропускавая через свою историческую память. Все это вылилось в конце концов в то, что национальной религией в Иране стал ислам не суннитского, как у большинство арабов, а шиитского толка.

На смену среднеперсидскому языку пришёл новоперсидский, называвшийся сначала *дари*, а потом *фарси*. Этот термин прочно утвердился и применяется и сейчас к языку, который по-русски именуется просто персидским.

Происхождение термина «дари» чаще всего связывается с персидским существительным «дар», воспринимаемым в значении «царский двор»⁴². Иначе говоря, понятие «дари» трактуется как «дворцовый» или же «придворный» язык. Этой точки зрения придерживался, в частности, такой признанный авторитет в области иранской филологии, как И. М. Оранский⁴³. Ни в коей мере не оспоривая мнения высококомпетентных специалистов-филологов, хочется

---

⁴² В современном персидском языке — *дарбар*.

⁴³ Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1958. С. 265.

всё же сказать, что такие блестящие, искрящиеся народной мудростью стихи, какие писал, скажем, «Адам поэтов» Рудаки, вряд ли могли родиться в затхлой, преисполненной лезвостью, лживостью и интригами обстановке дворов местных правителей. Они обязательно должны были подпитываться живой народной речью и мудростью убелённых сединами аксакалов тех мест. Так что, если и следовать изложенной выше версии происхождения языка дари, то он всё-таки, скорее, не столько возник, сколько мог литературно оформиться при дворах «коронованных особ», быть там положен на бумагу. Думается, что вполне имеет право на жизнь и другая, альтернативная точка зрения относительно происхождения термина «дари». Заключается она в том, что это название возникло от слова «даре», означающего «долина» или «ущелье». С учётом этого термин «дари» может восприниматься как название одного из диалектов жителей гор и долин, отличающегося от говора горожан и, разумеется, обитателей дворцов. Разве могли, например, родиться в них такие проникновенные строки Рудаки?

*Дела мои в блуждании мирском
Запутаны, затянуты узлом.
Погибли все надежды! Только горе
Застряло в горле у меня комком.*

Вряд ли. Думается, что становление языка дари⁴⁴ не настолько уж тесно было связано именно с дворцами и их обитателями. Но последнее слово остаётся здесь, конечно, за компетентными специалистами.

---

⁴⁴ Использование термина *дари* применительно к распространённой в Афганистане форме языка *фарси* началось с 1964 года, после принятия в этой стране во времена правления Мухаммеда Захир-шаха новой конституции, в которой и было закреплено употребление данного названия. До этого язык, о котором идёт речь, повсеместно назывался *фарси*. Это подтверждается и личным опытом автора, которому довелось работать в начале 1960-х годов переводчиком на строительстве Джелалабадского ирригационного канала в Нангархарской провинции тогдашнего Афганистана. Термин *дари* не употреблялся тогда никогда и никем. Звучало только одно название языка — *фарси*.

Язык Ирана стал мобильней и выразительней, получил новое дыхание, сохранив при этом свою первородную красоту, музыкальность и поэтичность.

Основные процессы становления нового персидского языка происходили именно на родине имама Газали — в Хорасане. Этот язык был родным для него и его семьи, как и для жителей Туса, являвшегося важной составной частью Хорасана.

В процессе обучения молодой Мухаммад изучал, конечно, и арабский язык, причём изучал глубоко, всесторонне и усердно, на совесть. Знание этого языка открывало двери как для дальнейшей учёбы, так и для занятия наукой, к чему так стремился будущий имам.

В самом же Хорасане восстанавливалось тем временем издревле присущее этой земле иранское начало, набирал силу процесс роста национального самосознания, укреплялись позиции персидского языка. На нём создавались поэтические шедевры, писались книги, его использовали в качестве основного средства устного и письменного общения последователи различных суфийских братств.

Великий поэт Фирдоуси при написании своей гениальной «Царь-книги» («Шахнаме») стремился по возможности вообще обходиться без использования слов арабского происхождения.

Персы, при наличии у них должного происхождения и образования, без особых затруднений принимались на государственную службу, поскольку считались наиболее подготовленными к ней благодаря древней традиции иранской государственности.

К персидскому языку и иранской культуре явно тяготели и правившие страной сельджукские султаны. В силу давних тюркско-иранских контактов возрождавшееся

иранское начало было для них ближе привнесенного арабского, несмотря даже на исключительную важность исламской идентичности. Они называли своих детей не только исконно мусульманскими, но и древнеиранскими именами, такими, например, как Кей-Хосров или же Бахрам-шах⁴⁵.

Даже заклятые враги сельджукских султанов — иранские *батиниты*⁴⁶-исмаилиты, создавшие внутри их державы собственное псевдогосударство, использовали в качестве своего священного языка не арабский, а персидский.

Словом, имам Мухаммад Газали жил, мыслил и творил в исключительно исторически значимое время, во многом предопределившее будущее как Арабского халифата, так и родины самого имама — Ирана.

* * *

Для более адекватной передачи действительного звучания на персидском и арабском языках некоторых приводимых в книге слов иногда применяются два специальных знака: *α* и *h*. Первым передается характерный для фарси долгий гласный звук «а», вторым — согласный звук, близкий соответствующему в английском языке.

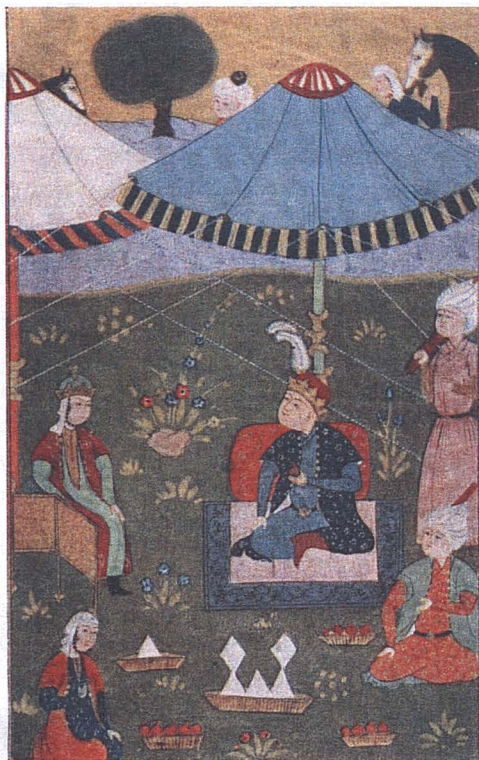
На исторически сложившееся у нас написание имён и титулов упоминаемых в книге лиц арабского и иранского происхождения использование вышеприведённых знаков не распространяется. Арабские и иранские имена, термины и названия пишутся за некоторыми несущественными исключениями так, как это принято у нас применительно к соответствующему историческому периоду.

---

⁴⁵ Известный французский востоковед Анри Массэ заметил, что самый выдающийся из Сельджукидов — Мелик-шах был иранцем в такой же мере, как и тюрком.

⁴⁶ Так именовались сторонники свободного, аллегорического толкования Корана, видевшие в нём скрытый от непосвящённых эзотерический смысл.

Свойственное арабскому языку удвоение согласных звуков иногда опускается.

Иранская миниатюра из суфийской поэмы
Джалаладдина Руми «Маснави».

90-е годы XVI века. Государственный Эрмитаж

В сносках, чтобы не отягощать основную сюжетную линию книги, приводится дополнительная информация, позволяющая читателю получить более широкое представление о затрагиваемых темах и вопросах. В некоторых случаях в них даются также необходимые пояснения.

Курсивом выделяются используемые на страницах книги термины арабского и персидского происхождения (а иногда и их русские эквиваленты), равно как и информационные вставки в основной текст книги, эпитафьи к её составным частям и цитируемые стихотворения.

Поскольку, как уже упоминалось выше, в качестве самих эпитафьев в «Повествовании» будут использоваться цитаты из произведений великого суфийского поэта Джалаладдина⁴⁷ (Джалал ад-Дина) Руми, ниже приводится краткая информация о нём.

Родился поэт в 1207 году в Балхе (городе в нынешнем Афганистане или в одноимённой округе тогдашнего историко-географического района Хорасан). По месту рождения его иногда называют Балхи, а по месту постоянного проживания (ныне Турция) — чаще Руми, то есть в переводе — Византиец, так как основная часть его жизни прошла в Малой Азии, иначе говоря, в бывшей Византии.

Обычно перед именем поэта ставится почётный титул мусульманских учёных и богословов — Моулана (Мауляна, Мовляна, Мевляна), означающий в переводе «Наш господин».

Скончался Джалаладдин Руми в 1273 году в возрасте 66 лет.

Используемые в качестве эпитафьев, а также в самом корпусе книги цитаты из стихотворений поэтов мусульманского Востока, писавших на фарси и арабском, приводятся в прекрасных русских переводах талантливых советских и российских поэтов.

Структурно «Повествование» состоит из трёх глав, для обозначения которых избрано арабско-персидское слово

---

⁴⁷ У специалистов по классической иранской поэзии имя Руми встречается также в форме — Джалалиддин.

фасль. Этот термин использовал в значении «раздел» или «глава» сам имам Газали в написанном им на персидском языке сочинении «Божественное знание» (*Эльме ладони*).

В качестве иллюстраций в книге воспроизводятся репродукции иранских миниатюр из различных отечественных источников, а также используются материалы из личного архива автора.

Фотография таблички с названием улицы имама Газали, примыкающей к территории Посольства России в Тегеране, получена благодаря любезному содействию Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Исламской Республике Иран Левана Семёновича Джагаряна, за что автор ему искренне признателен.

Автор благодарен своим друзьям и коллегам — Чрезвычайным и Полномочным Послам Владимиру Викторовичу Гудеву и Александру Алексеевичу Садовникову — за помощь, которую они оказывали ему в работе над книгой.

И в заключение считаю нужным объяснить используемые в книге термины «иранцы» и «персы». Под «иранцами» в данном случае имеется в виду, разумеется, условно, население всей территории нынешнего Ирана, а под «персами» в моем повествовании подразумеваются персоязычные иранцы. Родившийся в иранском Хорасане имам Мухаммад Газали может, таким образом, быть отнесен как к иранцам, так и к персам.

2. Основные вехи жизненного пути имама Газали

1058 год⁴⁸

В селении Газале близ города Тус в Хорасане родился Мухаммад Газали, будущий имам и выдающийся мыслитель Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад аль-Газали ат-Туси.

До 1078 года

Детство и юность, годы учёбы в Тусе.

1078–1080

Учёба в Джорджане (Горгане).

1080–1083

Жизнь в Тусе. Активное освоение ранее полученных знаний.

1083–1085

Учёба у имама аль-Джовеини в Нишапуре.

1085–1091

Жизнь в Моаскаре и участие в маджлесах Низам аль-Мулька.

1091–1095

Преподавание в Низамиййа Багдада.

---

⁴⁸ Из-за неизбежных расхождений при переводе дат с летосчисления по хиджре называются и другие цифры: 1058/59 и 1056/57. С учётом этого, а также других обстоятельств, о которых говорилось в разделе 1 части I предлагаемой читателю книги, нельзя исключить вероятности и других погрешностей при определении основных этапов жизни имама Газали.

1095–1106

Годы отшельничества.

1106

Приезд в Тус.

1106/1107–1109/1110

Преподавание в Низамийе Нишапура.

1109/1110

Возвращение в Тус, где имам Газали провёл последние годы жизни.

12 декабря 1111 года, понедельник

Кончина имама Мухаммада Газали — Абу Хамида Мухаммада ибн Мухаммада аль-Газали ат-Туси.

Часть II

**ПОВЕСТВОВАНИЕ
О ЖИЗНИ
ИМАМА ГАЗАЛИ**

Фасль первый

Начало пути, приобретение знаний и славы

*Наш мир подобен древу: он даёт
Жизнь человека — свой конечный плод.*

Джалаладдин Руми

Тус

Будущий имам, учёный и выдающийся мусульманский мыслитель Мухаммад Газали родился городе Тусе¹ в небогатой персидской семье. Его отец, Мухаммад сын Мухаммада, занимался изготовлением и продажей пряжи, имел небольшую прядильную мастерскую и лавку на базаре города, где сам и торговал. Называли его поэтому *газ-залем*, то есть прядильщиком.

Мать Мухаммада и его брата Ахмада, тремя годами младше него, умерла рано, так что дети её толком и не помнили. Они так и не познали беззаветной материнской любви, что болезненно ощущалось обоими даже спустя много лет.

Растил и воспитывал мальчиков отец, человек добрый и богобоязненный. Он всегда стремился к знанию, но надлежащего образования получить не смог — не позволили разного рода заботы и проблемы, которых у него всегда хватало с лихвой. Люди относились к нему с уважением и как человека набожного и благочестивого величали *Остадом*, то есть Мастером, или Учителем.

---

¹ Тус — город, расположенный на северо-востоке нынешнего Ирана.

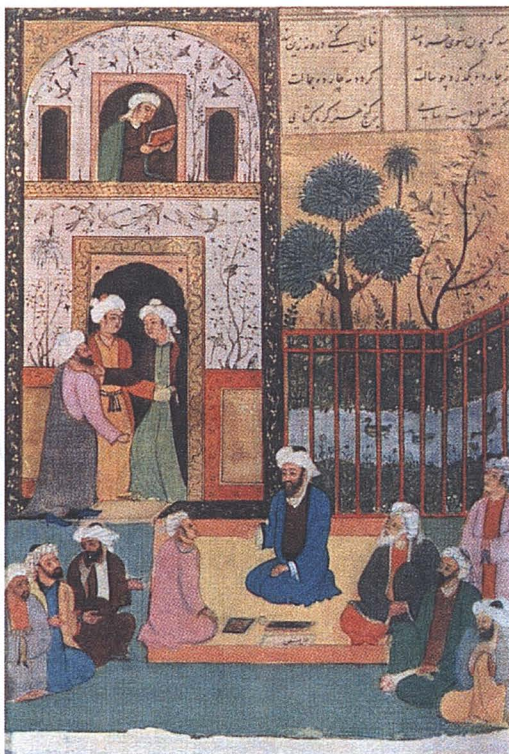
Неосуществлённую мечту о получении хорошего образования он восполнял предоставлением такой возможности своим сыновьям — Мухаммаду и Ахмаду. Освоив начальный курс обучения, они пошли в медресе, где стали учиться у мудрого шейха Ираки, направлявшего их на Путь истинный, пролежавший не иначе как через познание мудрости Священного Корана и глубокое изучение основ мусульманской религии.

Медресе — учебное заведение второй, после начальной, ступени обучения. В исходном значении на арабском языке (мадраса) — место, где учатся, по сути — эквивалент русскому слову «школа». Сам этот термин, в отличие, например, от слова «семинария», изначально не несёт религиозной нагрузки (в современном персидском языке это слово широко применяется, особенно в устной речи, в значении обычной школы), но поскольку медресе были с момента их возникновения именно религиозными школами, такое понимание и закрепилось со временем за ними в одном из конкретных значений этого слова. Учреждались и функционировали медресе, как правило, за счёт доходов, получавшихся от использования имущества, которое передавалось богатыми частными лицами на богоугодные благотворительные цели, что именовалось специальным юридическим термином мусульманского права «вакф». Преподаватели и служащие медресе получали жалование, ученики — стипендию, иногородним предоставлялось общежитие.

Несмотря на разницу в возрасте, учились братья вместе, в одной большой группе учеников. Учились прилежно и с большим желанием, были на хорошем счету у шейха. Особо выделял он Мухаммада, быстро и глубоко постигавшего учебную программу.

Оба преуспевали в учёбе, но подходили к осмыслению получаемых знаний по-разному. Если Мухаммад стремился понять их разумом, то Ахмад — душой и сердцем.

Впоследствии это приведёт к тому, что в познании Высшей истины они пойдут разными путями. Мухаммад — традиционным, но в то же время более углублённым и вдумчивым, а Ахмад — чувственно-мистическим, что сделает его со временем одной из видных фигур иранского суфизма. Мухаммад тоже придёт к этому, но позднее, уже зрелым учёным, и даже попытается сблизить ортодоксальный ислам с суфизмом.

Иранская миниатюра «Школьный учитель». Конец XVI века.
Демонстрировалась на выставке, проводившейся в Москве
в 1964 году

Тогда же братья продолжали успешно учиться в медресе и подолгу занимались дома, лишь изредка принимая участие в детских забавах не обременённых серьёзной учёбой соседских ребят.

Много времени и труда в их занятиях отводилось глубокому изучению арабского языка. Ведь только через него можно было понять смысл ниспосланного Аллахом Благословенного Корана, познать содержащуюся в нём Божественную мудрость. А для этого надо было знать значение каждого слова Священной Книги и все нюансы его употребления в различных контекстах.

Явные успехи Мухаммада в учёбе нередко вызывали острую зависть у некоторых других учеников медресе, особенно старших по возрасту, и многоопытный шейх умело ставил их на место, если они позволяли себе открыто проявлять такого рода неприязнь по отношению к Мухаммаду. Шейх Ираки ценил Мухаммада и в обиду не давал, видел в нём ученика, подававшего большие надежды.

Так продолжалось до тех пор, пока братья не заметили, что их отец явно начинает сдавать, ему всё чаще и чаще приходилось вызывать врача. Мальчики уже знали, что у их отца серьёзные проблемы с почками. Не знали они, однако, что врач дал понять соседке, дружившей ещё с их покойной матерью и по природной доброте помогавшей им и отцу, что болезнь его неизлечима, и теперь можно полагаться только на милость Аллаха.

Отец же это, конечно, знал и однажды неожиданно для братьев попросил их срочно позвать к нему своего близкого друга шейха Туси². Когда тот пришёл, отец, превозмогая острую боль, тепло его поприветствовал и сказал

---

² Туси — *нисба* (араб. *نسبة* — «отношение», «связь»), часть арабомусульманского имени, в данном случае означает, что её носитель был родом из города Тус.

тихим голосом, что чувствует приближение своего смертного часа.

— Успокойся, Мухаммад, — ответил ему шейх. — Все мы от Аллаха и к Нему вернёмся. Всё в Его руках, полагайся на Него.

— Да, конечно, достопочтенный шейх, я именно так и поступаю. Всю свою жизнь, — продолжал, отдышавшись, отец, — я стремился стать по-настоящему образованным человеком, но так и не смог. Сейчас, когда Всевышний призывает меня к себе, и мои дети остаются сиротами, я прошу тебя как самого близкого мне человека взять на себя заботу о них. Я завещаю тебе, шейх, всё, что есть у меня: кое-какие накопленные за долгие годы нелёгкого труда деньги, прядильную мастерскую и лавку. Потрать это на детей, дай им хорошее образование, которого так не хватало мне.

— Не беспокойся, дорогой друг, сделаю всё, как ты пожелал, — ответил шейх.

Друзья тепло попрощались, и шейх покинул дом братьев. А они бросились к постели отца, пытаясь хоть как-то облегчить его страдания. От срочного приглашения врача он категорически отказался.

Через несколько дней отца не стало, и шейх забрал его сыновей к себе. Он сделал всё, что и обещал. Дети продолжили учёбу в медресе, а он помогал им в этом. Так длилось довольно долго, но деньги, в том числе и полученные от продажи прядильной мастерской и лавки, в конце концов закончились, и шейх, не имевший, как и подобает суфию, доходов от какой-либо приносившей материальную выгоду деятельности, договорился о том, чтобы братьев приняли в *йатимхане* — приют для сирот,

находясь в котором, они могли бы продолжить учёбу, будучи там на полном обеспечении.

Братьев такой поворот судьбы устроил, и они со свойственным им усердием продолжили учёбу. В приюте имелось для этого всё необходимое: опытные наставники, книги, тетради, письменные принадлежности и, разумеется, выделенные для них в общежитии приюта два спальных места.

За напряжённой учёбой братья не замечали, как быстро и неотвратно летело время, проходили годы. И наступил однажды день, когда шейх Ираки вызвал к себе Мухаммада и сказал, что он окончил курс обучения в медресе и должен готовиться к выпускному экзамену.

Экзамен Мухаммад сдал блестяще и получил документ об окончании медресе, открывавший для него хорошие перспективы на будущее. Казалось бы, такое успешное завершение учебы сулит лишь радость и блага от получения нового общественного статуса. Но на деле всё обернулось иначе.

Уже на следующий день после выпускного экзамена управляющий приютом, он же распорядитель вакфа, за счёт которого и содержался приют, пригласил Мухаммада к себе для серьёзного разговора.

— Поздравляю, — сказал ему управляющий, — ты, дорогой Мухаммад, закончил своё обучение в медресе. Теперь у тебя начинается новая жизнь, ты уже подготовлен к ней.

— Спасибо, — обрадовано ответил Мухаммад, никак не ожидавший, какие слова последуют вслед за этим.

А были они для него совсем не радостными, более того, обескураживавшими.

— В самые ближайшие дни тебе надо будет покинуть приют и найти себе новое место жительства, — сказал управляющий.

— Но, мой господин, мне некуда переезжать, мой дом здесь, в приюте, другого жилья у меня нет. Я хотел бы остаться.

— К сожалению, это невозможно, — ответил после небольшой паузы управляющий приютом. — Ты успешно завершил своё обучение и должен освободить место для другого — того, кто хочет, как когда-то и ты сам, приобщиться к знаниям. Таков порядок, сынок, он справедлив, и нарушать его никто не вправе.

— Я всё понял, уважаемый господин управляющий, и сделаю так, как Вы сказали.

Тепло поблагодарив распорядителя вакфа за всё хорошее, что он для него сделал, Мухаммад уважительно с ним попрощался и направился «домой» — в один из закутков сиротского общежития, который был выделен для него и его брата Ахмада. Надо было определяться, что делать завтра.

Обдумав все возможные варианты, Мухаммад решил попытать счастья в работе переписчика книг и пришел наниматься к хитрому и жадному книготорговцу, которого ввиду далеко немолодого возраста называли в городе дядюшкой Рузбехом³, а за глаза — Старым Лисом⁴.

Книготорговец, как раз нуждавшийся в новом переписчике, обрадовался приходу Мухаммада, но долго не соглашался оплачивать его труд так, как он того заслуживал. Но юноша настаивал на своих условиях, и когда потенциальный новый переписчик собрался было уходить, Рузбех,

---

³ Исконно персидское имя *Рузбех*, букв. «счастливым».

⁴ Игра слов: лиса по-персидски — *рубah*.

поняв, что может потерять столь нужного ему грамотного и обладавшего хорошим почерком работника, наигранно заулыбался и, сделав доброе лицо, согласился, будто творил великое благо, на всё, что было нужно Мухаммаду — достойную зарплату, возможность жить в магазине и читать все имевшиеся в нём книги.

Сразу же после этого Мухаммад приступил к работе. Днями он переписывал книги, которые давал ему Старый Лис, а по вечерам, захватывая и ночи, читал те, которые его интересовали. Другой переписчик, ночевавший, как и Мухаммад, в магазине, искренне удивлялся такой его работоспособности и никак не мог уразуметь, чем же она была вызвана.

Так продолжалось довольно долго, пока в один действительно прекрасный для Мухаммада день в магазине Рузбеха не появился улыбающийся шейх Туси. Вызвав Мухаммада из комнаты, в которой работали переписчики, он сказал ему, что известный не только в их городе, но и за его пределами, шейх Ахмад Радкани⁵ готов взять его к себе в ученики.

Обрадованный этой новостью Мухаммад тут же направился вместе с шейхом к городской знаменитости. Маститый учёный оказался доброжелательным, хотя и немного суховатым, на первый взгляд, человеком в годах. Он был готов делиться своими богатыми познаниями в области фикха⁶ и других важных вопросов мусульманской теологии с Мухаммадом, наряду с другими, уже имевшимися у него учениками.

Время полетело быстро. Днём Мухаммад учился у шейха, а по окончании занятий возвращался в магазин

---

⁵ Радкан — населённый пункт в Хорасане. Полным именем шейха считается Ахмад бен Мухаммад Радкани.

⁶ Исламская юриспруденция.

Рузбеха и до поздней ночи переписывал книги, чтобы не терять места, где он мог спокойно спать хотя бы несколько часов и получать какие-никакие деньги на пропитание и подобающую духовному лицу одежду.

Со временем занятия у шейха Радкани утвердили Мухаммада в мысли о том, что он может и должен написать книгу. И он начал осуществлять эту свою давно вынашиваемую им мечту. Тема книги напрашивалась сама собой. Конечно, он будет писать об исламской юриспруденции — фикхе. Эта исключительно важная научная дисциплина давно вызывала особый интерес Мухаммада, да и шейх Радкани был признанным специалистом именно в этой области.

Работа спорилась, и книга была вскоре готова. Прочитав её несколько раз, Мухаммад посчитал, что может показать свой труд шейху Радкани.

— Что это? — спросил шейх, когда Мухаммад преподнёс ему при их очередной встрече собственноручно оформленный им в виде книги плод своих ночных трудов.

— Это написанная мною книга, — ответил Мухаммад.

— Молодец, — похвалил его шейх, — обязательно её прочитаю.

Обнадёженный услышанным, Мухаммад поспешил занять своё место в учебной аудитории, и шейх Радкани приступил к очередной лекции.

Через несколько дней шейх подозвал Мухаммада к себе и сказал, что прочитал его книгу. Первоначально назвав её хорошей, шейх добавил, что она тем не менее имеет, как и любая первая книга того или иного автора, ряд недостатков. Во-первых, в ней нет никаких принципиально новых моментов, это повтор того, что уже было написано

другими. Во-вторых, в книге слишком много ссылок на чужие сочинения.

— Ты, Мухаммад, поспешил с написанием книги. Позднее у тебя получится значительно лучше. Сейчас же это вполне обычная книга, каких много. Твои книги ещё впереди. Они будут качественно другими.

Разочарование было горьким, и поначалу Мухаммаду трудно было сдерживать рвущуюся наружу досаду. Но, хорошенько подумав, он не мог не признать, что приговор учителя был хоть и строг, но, несомненно, справедлив. Более того, он посчитал, что шейх преподал ему хороший и весьма полезный урок. Надо мыслить глубже, идти дальше в своих рассуждениях, вырабатывать собственный оригинальный стиль мышления и изложения.

Вернувшись к вечеру в книжный магазин, он в клочья порвал на глазах изумлённого коллеги-переписчика результат своих многодневных трудов.

«Я ещё напишу такие книги, на которых многим предстоит учиться», — твёрдо решил Мухаммад.

Располагая уже довольно солидными знаниями по основополагающим вопросам исламской теологии, Мухаммад вскоре успешно завершил курс обучения у шейха Радкани.

Шейх сказал юноше при прощании, что он уже использовал все возможности для обучения, которые имелись в Тусе, и ему надо ехать учиться в другие города, лучше всего в Багдад.

Учёба у шейха Радкани, как и работа у хитрющего «дядюшки» Рузбеха, сделали Мухаммада более уверенным в себе и позволили свободнее строить планы на будущее. Теперь он сам мог распоряжаться своей судьбой. Его пути с младшим братом Ахмадом вновь разошлись: тот

уже наладил свою жизнь, опять же не без помощи заботливого друга их отца — шейха Туси.

Что же касается самого Мухаммада, то всё представлялось ему на тот момент ясным: надо и дальше совершенствовать свои знания и пройти с этой целью курс обучения у лучших специалистов по основным направлениям многогранной исламской науки. В качестве первоочередного шага в этом направлении он решил направиться в прикаспийский город Горган, чтобы стать учеником имама Исмаили⁷, считавшегося одним из авторитетнейших учёных этой части страны. К поездке в Багдад, как самокритично посчитал Мухаммад, он ещё готов не был.

Горган (Джурджан)

Горган был для Мухаммада новым и интересным городом, во многом отличавшимся от Туса. Говорили здесь, как и на его родине, на фарси, но порою с несколько другими интонациями⁸. Каких-либо сложностей в общении с горожанами от этого не возникало, поскольку, хоть и назывался теперь этот город на арабский манер Джурджаном, он, как и прежде, продолжал оставаться составной частью исторического Ирана.

---

⁷ Исламские науки в Горгане преподавали представители нескольких поколений семьи Исмаили. В некоторых источниках говорится, что Мухаммад Газали учился в Горгане у имама Абу Насра Исмаили. Однако, согласно имеющимся свидетельствам, этот имам умер в 1014–1015 гг., то есть ещё до рождения самого Газали. Скорее всего, он мог учиться у другого имама — Абуль Касема Исмаили, который скончался в Горгане в 1084 году. При написании «Повествования» это обстоятельство было, естественно, принято во внимание.

⁸ В иранской филологии существует такое понятие, как горганский диалект персидского языка.

По прибытии с торговым караваном в Горган Мухаммад сразу же направился к теологической школе имама Исмаили. Приветливые горожане подсказали, как добраться до нее побыстрее. Размещалась она, как и ожидал Мухаммад, неподалёку от городской пятничной мечети и представляла собой небольшой комплекс, состоявший из нескольких отдельно стоявших зданий: в одном проживал и работал сам имам, в других размещались учебные аудитории и жили его ученики.

В школе Мухаммада встретили доброжелательно и представили через некоторое время имаму, который устроил ему нечто вроде строгого вступительного экзамена. Поинтересовавшись, где, как и у кого учился Мухаммад, имам Исмаили задал ему несколько непростых теологических вопросов, на которые получил ответы, полностью его удовлетворившие.

Мухаммад был принят в ученики имама и приступил к занятиям. Он быстро осознал, сколь ценны получаемые от имама основополагающие знания, и сразу же решил тщательно все записывать за учителем, чтобы записи эти всегда были у него впредь под рукой. Он стал также делать выписки из прочитанных книг, рекомендованных для изучения имамом.

Тетради быстро заполнялись записями лекций и выписками из книг, и число их постепенно росло. Мухаммад понял, что у него накапливается бесценное интеллектуальное богатство и, когда курс обучения подошёл к концу, поклялся себе беречь эти записи и написанный им по итогам прослушанных лекций *таалик*⁹ как зеницу ока.

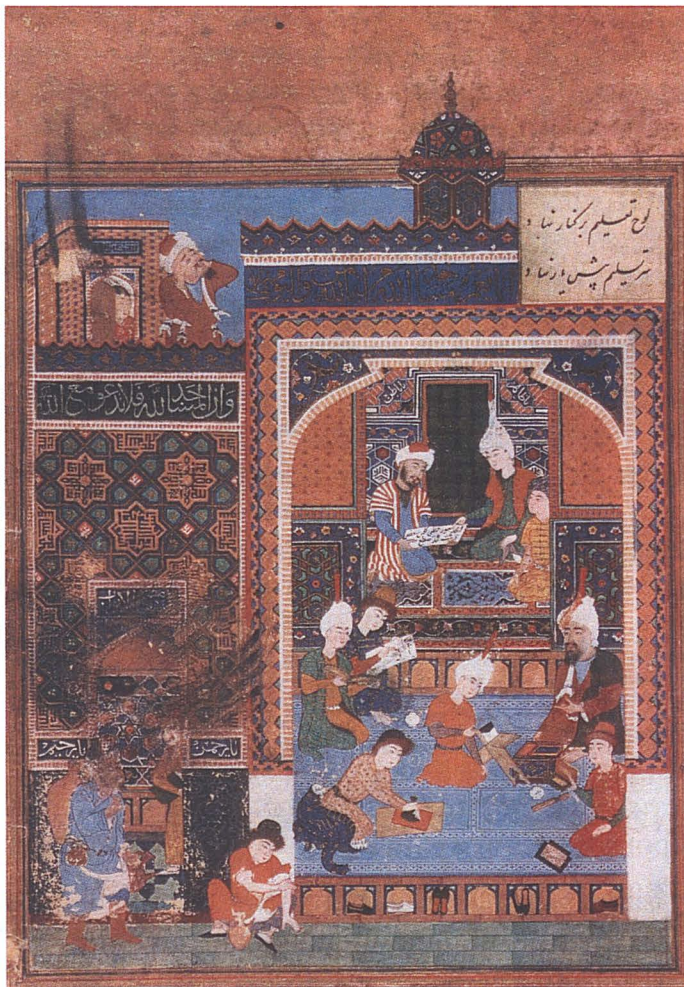
---

⁹ *Таалик* — своего рода заключительный реферат, подводящий итоги обучения в медресе. В современном персидском языке это слово (تعليقه) означает «примечание», или же «комментарий».

Получив важный для него документ о прохождении курса обучения у имама Абуль Касема Исмаили, Мухаммад решил, не задерживаясь более, возвращаться в Тус. В Горгане он чувствовал себя неудобно, более того — ему здесь не нравилось. Во-первых, из-за климата, который разительно отличался от того, к которому Мухаммад привык в Тусе. Поскольку море было совсем рядом — всего в каких-то тридцати километрах, — воздух в городе был влажным, а летом ещё и жгуче горячим. Дышалось поэтому тут совсем не так легко, как в родном Тусе. Случались и резкие перепады дневных и ночных температур, не говоря уже о летней жаре и зимних холодах.

Во-вторых, и это было, конечно, для Мухаммада во много крат важнее, здесь происходили бесконечные конфликты, переходившие нередко в кровавые драки, между сторонниками различных толков, школ и направлений в исламе. Это очень тревожило Мухаммада, и он пытался разобраться в причинах такого раскола между мусульманами, беседовал с представителями противоположных группировок, старался разобраться, по какой причине они занимали ту или иную сторону. Полной ясности в интересовавшие его вопросы это не вносило, но порою высвечивало некоторые их важные аспекты.

Приняв решение возвращаться в родные края, Мухаммад направился на городской базар, откуда уходили караваны в различные города Халифата, чтобы узнать, когда бы он мог покинуть Горган. Ему повезло: небольшой караван направлялся в Тус и должен был тронуться в путь уже завтра с первыми лучами солнца.

В медресе. Миниатюра из рукописи Хилали¹⁰ «Шах и дервиш». 1537–1538 годы.

Санкт-Петербург. Российская национальная библиотека

¹⁰ Мауляна Бадреддин Хилали (1470–1529). «Шах и дервиш» — одна из наиболее известных поэм Хилали.

Вернувшись в уже полюбившуюся ему школу, Мухаммад уважительно попрощался с имамом Исмаили и стал дожидаться утра в небольшой комнатёнке — *худжере*¹¹, которую делил с другим учеником имама — Ибрагимом¹² Шебаком¹³.

Никакого особого имущества за время учёбы Мухаммад не накопил, так что сборы были недолгими. Он лишь привёл в порядок дорогие его сердцу тетради, а затем тщательно уложил их, таалик и документ о полученном образовании в холщовую сумку, которую обычно носил на плече. Попытался заснуть, но сон не шёл, одолевали мысли о том, что ждет его далее на жизненном пути.

Встав на ранней заре и сотворив утренний намаз, Мухаммад отправился на горганский базар, прижимая к телу холщовую сумку со своим главным богатством.

Караван уже был почти готов к предстоявшему путешествию. Рассчитавшись с караван-вожатым, Мухаммад присел на землю, благо погода была тёплая, рядом со своими попутчиками, как и он, направлявшимися в Тус. Вот подошли еще несколько путешественников, и маленький караван отправился в путь.

Двигались медленно, так что можно было ехать на лошадях и верблюдах или же, пока хватало сил, идти пешком, а потом пересаживаться на верховых животных. Мухаммад предпочитал пеший ход — так ему лучше думалось, а не думать он не мог, это уже стало его привычным состоянием. Он перебирал в памяти всё, что узнал от имама, старался глубже вникнуть в его наставления. Не мог он также не думать о том, как сложится его жизнь по возвращении

---

¹¹ *Х(н)оджере* — «келья», «комнатушка», «жилое помещение для учащихся медресе».

¹² В персидском произношении — Эбрахим.

¹³ Они останутся друзьями на всю жизнь. Мухаммад будет встречаться с Ибрагимом почти во всех городах, в которых ему доведётся побывать.

в Тус, что предстоит сделать в первую очередь. Он перебирал много различных вариантов, но то, как в действительности обернутся события, ему даже не могло прийти в голову.

Пока караван шёл по равнине, среди населённых пунктов и сельскохозяйственных угодий, всё было спокойно, и тревожных мыслей ни у кого не возникало. Но когда обжитые земли кончились, и они вошли в гористую, заросшую густыми кустами местность, где не встретишь, казалось, ни одной живой души, караван-вожатый потерял покой и стал внимательно осматриваться по сторонам.

Дурные предчувствия не обманули. Неожиданно из придорожных зарослей появились зловещего вида люди и, угрожая оружием, остановили караван. Сгнав всех путешественников вместе и окружив их, они принялись отбирать у них личные вещи, деньги и драгоценности. Товары, перевозимые в грузах, и самих выючных животных они не тронули, видно, боялись, что такую добычу трудно будет сбыть, не привлекая внимания местных властей. Но все люди, включая караван-вожатого, подверглись жестокому личному грабежу, разбойники отбирали у каждого всё, что у него находили — вещи, наличные деньги и ценности.

Холщовая сумка Мухаммада тоже привлекла их внимание, и ее стали грубо рвать у него из рук. Юноша отчаянно сопротивлялся и не отдавал, повторяя, что в его сумке нет ничего ценного.

На шум подошёл главарь банды — среднего роста коренастый мужчина с хитрым прищуром тёмных, почти чёрных, глаз и кинжалом добротной местной работы на поясе.

— Ты, молодой мулла, почему не отдаёшь свою сумку? Не хочешь по-хорошему, отберем по-плохому, я это могу! — пригрозил разбойник.

— В сумке нет ничего интересного для вас, там только мои знания, полученные за долгие месяцы упорной учёбы.

— Решать буду я, — сказал вожак и, с силой вырвав сумку из рук Мухаммада, резким движением вытряхнул всё её содержимое на землю, в дорожную пыль.

Увидев множество исписанных листов простой бумаги, главарь криво и презрительно ухмыльнулся.

— И ты говоришь, что это «знания»? — процедил он сквозь зубы с ехидством. — Это же простые бумажки, исписанные каракулями. Если я их у тебя отберу, то ты, значит, лишишься накопленных знаний? Какие же тогда это «знания»? Знания должны быть в голове, а не на бумаге.

Однако поживиться тут лихим людям было, действительно, нечем.

— Ладно, — примирительно сказал после небольшой паузы, показавшейся Мухаммаду бесконечной, вожак банды, — собирай свои никчёмные бумаженции и проваливай прочь с глаз моих, пока я добрый, беги — не то пожалеешь.

У Мухаммада отлегло от сердца, он бросился быстро собирать с земли драгоценные листочки — всё своё достояние.

Когда бандиты, обчистив всех путников до нитки, наконец скрылись из виду, ограбленный караван смог продолжить путь. Люди постепенно отходили от потрясения, жалели об утраченном, но и благодарили Аллаха, что сами, по крайней мере, остались живы. Мухаммад тоже много размышлял о происшедшем. Он вдруг осознал, что из уст главаря банды он услышал очень важную для себя истину.

«Нельзя полагаться на мудрость, положенную на бумагу: она обязательно должна быть у тебя в голове, стать частью твоего сознания, остаться навсегда в твоей памяти».

«Сама судьба — спасибо ей! — через встречу с этим разбойником подсказала мне правильный путь в моей дальнейшей учёбе и самосовершенствовании», — сделал исключительно важный для себя вывод Мухаммад.

Тус

Теперь Мухаммад знал, как ему следует поступить, возвратившись в родной Тус. Ему предстоит глубоко освоить и навсегда запомнить всё, чему научили его мудрые учителя и не менее мудрые книги, сколько бы он их не прочитал. Не выучить наизусть, — это было бы для Мухаммада слишком примитивно, — а продумать и впитать так, чтобы полученные знания проросли в само его существо, стали частью его собственного мышления, прочно вошли в его ум и сознание.

Для такого серьёзного и многотрудного дела нужно было создать соответствующие условия, иметь место, где можно не только жить, но и плодотворно трудиться, а также, разумеется, хоть какие-то денежные средства. Пришлось молодому учёному вновь подрабатывать у Рузбеха-книготорговца, а также обратиться за помощью к брату Ахмаду, который за это время успел обзавестись семьёй и работал теперь в медресе помощником шейха Ираки. Совмещая одно с другим, Мухаммад смог осуществить намеченный им план действий.

Он настолько глубоко вникал в уже изученные им вопросы, что полученные им знания запоминались навсегда, становились неотъемлемой частью его сознания, качественно обогащали его. И осваивал он таким образом, — что немаловажно, — только те истины, логические

связи и доказательства, которые принимал сам. На такой продуктивной основе у Мухаммада в изобилии появлялись собственные умозаключения, позволившие ему внести со временем свой личный оригинальный вклад в теологические науки.

Молодой имам Газали.

Кадр из сирийского художественного сериала, 2010 г.

Прошло три года... Они пролетели, казалось бы, незаметно, но не для самого Мухаммада. Это был очень важный период в его жизни, сделавший его другим человеком. Он превратился в настоящего самостоятельного учёного, который выработал своё мнение по практически любому вопросу исламской науки и умел чётко сформулировать и выразить его. У Мухаммада сложился собственный подход к обучению у мудрых наставников: он задавал им все вопросы, которые возникали у него при осмыслении преподаваемого ими учебного материала¹⁴.

---

¹⁴ Выдающийся персидский поэт XIII века Абу Мухаммад Муслих ад-Дин Абу Мухаммад Абдаллах ибн Мушриф Саади Ширази свидетельствует, что, когда у имама Газали спросили, как ему удалось так преуспеть в знаниях, он ответил: «Я не стыдился спрашивать».

Но знаниям и их совершенствованию предела, как известно, нет. И Мухаммад остро это ощутил. Прежде чем поехать в Багдад, как советовал ему в годы его юности шейх Радкани, он всё ещё считал необходимым поработать над собой и преумножить свои познания, поучившись у мудрых учителей.

Кратчайший путь в Багдад пролегал, как справедливо посчитал Мухаммад, через Нишапур, бывший тогда крупнейшим городом восточной части Халифата и её культурным и торгово-ремесленным центром. Здесь процветали мусульманская наука и культура, имелись богатые библиотеки. Тут рождались, жили и творили большие учёные и поэты, блистал своими знаниями видный представитель ашаритского калама Абул-Маали Абд аль-Малик бен Абдуллах аль-Джовайни ан-Найсабури, имевший громкий титул — имам аль-Харамейн, то есть имам двух священных исламских городов Мекки и Медины. В Нишапуре размещалась к тому же и ставка могущественного сельджукского визиря Низам аль-Мулька, покровительствовавшего учёным и литераторам. Именно по его распоряжению для имама аль-Джовайни¹⁵ в этом городе была построена высшая духовная школа — медресе Низамийе.

Принимая всё это во внимание, Мухаммад твёрдо решил отправиться именно в Нишапур, чтобы стать учеником имама аль-Харамейна. Своими планами он поделился, в первую очередь, с самым близким ему человеком — братом Ахмадом. Тот после недолгого раздумья намерение старшего поддержал.

---

¹⁵ Имам был родом из селения Боштанекан, расположенного недалеко от Нишапура в хорасанском округе Джовайн.

Нишапур (Найсабур)

В Низамийе (У имама ал-Харамейна)

Сказано — сделано. Через несколько дней Мухаммад уже был в Нишапуре. У каравана, с которым он добирался, никаких проблем в пути не возникло. Разбойничать на этой дороге лихим людям не позволялось. Ведь вела она в один из важнейших городов всей Сельджукской державы, временами он бывал и её столицей.

Найти медресе Низамийе особого труда не составило. Школа эта была местной достопримечательностью и знаменита на всю округу, дорогу к ней знали все. Встретили Мухаммада в медресе, как и в Горгане, приветливо. Видимо, так уж было заведено во всех теологических школах Халифата. Вскоре нового ученика представили имаму. Экзамена ему имам ал-Джовайни устраивать не стал. Он лишь по-отечески побеседовал с ним и расспросил обо всем, что его интересовало: откуда и с какой целью приехал Мухаммад в Нишапур, где и у кого учился, какими науками хотел бы заниматься в медресе.

Мухаммад понравился имаму. Он увидел перед собой молодого сложившегося учёного, нуждавшегося лишь в филигранной отделке уже полученных и усвоенных им знаний. Имама порадовал также интерес, проявленный Мухаммадом к исламской юриспруденции — фикху. Это была сфера специализации самого имама, слывшего лучшим знатоком именно в данной области.

Беседа произвела хорошее впечатление на обоих её участников. Имам почувствовал, что в лице Мухаммада он может получить очень перспективного ученика, а сам Мухаммад

понял, что он обрёл Учителя с большой буквы, Учителя на всю предстоящую ему жизнь в науке.

Имам, конечно, без каких-либо колебаний дал согласие на то, чтобы Мухаммад стал обучаться в его медресе и поручил своему секретарю незамедлительно решить все вытекавшие из этого административно-организационные вопросы. Мухаммад получил статус ученика имама, что давало ему право жить и питаться в медресе. Предусматривалась и возможность получения денег на мелкие расходы.

Мухаммад начал с удовольствием посещать лекции имама и с ещё большим удовольствием встречаться с ним privately — для личных бесед. Он обсуждал с имамом все давно интересовавшие его вопросы, беседовал о самом сокровенном, что приходило ему на ум в процессе осмысления наиболее важных и сложных проблем фикха. Такие беседы с мудрым учителем обогащали Мухаммада новыми, уникальными знаниями, которые нельзя было почерпнуть ни из каких книг.

Имам был настолько доволен успехами нового ученика, что назначил его своим помощником, и Мухаммад получил возможность занимать время от времени почётное место имама для исполнения тех или иных его личных поручений, в том числе и для изложения слушателям медресе некоторых вопросов учебной программы.

Мухаммад впервые остро почувствовал значимость и весомость произносимого слова, его отличие от того, что написано на бумаге. Он стал оттачивать не только свой письменный стиль, но и технику устной речи.

Так продолжалось до тех пор, пока Мухаммад не ощутил неодолимое желание и, более того, готовность написать, наконец, свою собственную книгу о фикхе. Он осознал, что теперь может сказать в этой науке новое, ещё никем не произнесённое слово. Давний урок, полученный от шейха Радкани, даром не прошёл.

Имам аль-Джовайни, которому Мухаммад поведал о своём желании, поддержал его настрой и даже посоветовал поехать с этой целью в Тус, чтобы сосредоточиться там только на написании книги, не отвлекаясь на другие дела, которых здесь, в медресе, хватало.

Мухаммад так и поступил. Работал он над книгой дома у брата Ахмада и в родном для него медресе, где были книги, которыми он мог при необходимости воспользоваться. Но случалось это не часто, поскольку основное содержание книги уже давно сложилось в его голове.

Через несколько месяцев Мухаммад вернулся в Нишапур с готовой книгой и стал искать возможности встретиться с имамом аль-Джовайни, чтобы показать ему свой труд. Это было не так просто, потому что, помимо массы текущих дел, которыми имам был вечно занят, ему еще и нездоровилось. Учитель уже давно страдал от болезни, победить которую врачи были не в состоянии. Со временем он совсем перестал к ним обращаться, полагаясь на одного лишь Аллаха.

Подорвать здоровье имама ал-Джовайни могли гонения на приверженцев ашаритской школы калама, которые развязал предшественник Низам аль-Мульк — Амид аль-Мульк Абу Наср Кондори. Из-за этих гонений имам как видный приверженец именно ашаритской школы был вынужден покинуть Нишапур и оказался в конце концов у святых для мусульман мест — в Мекке и Медине. После того, как сменивший Кондори¹⁶ Низам аль-Мульк прекратил преследования ашаритов, имам аль-Джовайни смог вернуться в родной Нишапур, уже как имам аль-Харамейн.

---

¹⁶ Умер в тюремном заточении, которому был подвергнут по распоряжению султана.

Несмотря на недомогание, имам с нескрываемой радостью встретился с Мухаммадом и принял преподнесённую им книгу.

— С удовольствием прочитаю твоё сочинение, — сказал он Мухаммаду. — Начну читать прямо сегодня же вечером.

Через несколько дней имам позвал Мухаммада, чтобы сообщить ему свое мнение. Оценка Учителя была высокой — он сказал: книга настолько хороша, что перекрывает то, что было написано по фикху им самим¹⁷.

— Что Вы такое говорите, дорогой Учитель. Не было бы Вашей книги, не появилась бы и моя. Она — основа, а моя — мысли, построенные на Ваших, — прочувственно ответил имаму Мухаммад.

На другой день имам аль-Джавайни сообщил присутствовавшим на его очередной лекции, что в исламском мире появился новый учёный — сидящий среди них шейх Мухаммад Газали. Сравнив его с волнуемым морем, наполненным знаниями, имам порекомендовал слушателям медресе приступить к изучению написанной им книги по фикху.

Жизнь Мухаммада в медресе вскоре вновь вступила в своё прежнее, устоявшееся русло, разве что он стал всё чаще занимать место имама, исполняя его поручения: имам чувствовал себя плохо.

Однажды ему стало ещё хуже. Помочь ему уже никто не смог, и имам аль-Харамейн покинул этот мир¹⁸.

---

¹⁷ Некоторые авторы пишут, что имам добавил при этом: «Ты похоронил меня, когда я ещё жив. Неужели ты не мог подождать, пока я умру?». Думается, вряд ли такой мудрый человек как имам аль-Харамейн мог сказать всерьёз нечто подобное. Но возможно, это была просто печальная шутка.

¹⁸ Существует и версия о том, что имам аль-Джавайни скончался не в Нишапуре, а в своём родном селении в округе Джавайн.

Мухаммад болезненно переживал уход своего Учителя. После смерти отца это было для него второй тяжелейшей и невозполнимой утратой.

Остаться в медресе без Учителя Мухаммад счёл бессмысленным и принял решение направиться в ставку Низам аль-Мулька — Моаскар¹⁹, чтобы присоединиться к участникам его знаменитых маджлесов — дискуссионных встреч лучших учёных и литераторов этой части Халифата.

*В нишапурском Моаскаре
(У Низам аль-Мулька)*

Поскольку располагался Моаскар здесь же, в Нишапуре, добраться туда особого труда не составило. А вот стать участником маджлесов оказалось делом непростым.

Постоянные посетители и участники этих собраний уже, конечно, слышали о появлении в Нишапуре молодого шейха, прекрасно разбиравшегося в самых сложных вопросах фикха, которые как раз чаще всего и обсуждались на маджлесах у Низам аль-Мулька. Однако многих из этих признанных мудрецов совсем не прельщала перспектива увидеть в своей среде человека, превосходящего их в знаниях предмета. Это могло подорвать их авторитет в глазах Великого визиря и в конечном счете пошло бы им во вред.

---

¹⁹ В литературе об имаме Газали встречается понимание Моаскара как военного лагеря (عسكر، اردوگاه) самого султана Малек-шаха, что представляется сомнительным. Если бы Низам аль-Мульк постоянно находился при султани, жизнь которого проходила в бесконечных войнах и захватнических походах, то он вряд ли смог успешно управлять обширной сельджукской державой. Это было бы просто физически невозможно. Что уж тут говорить об оставшихся в истории знаменитых маджлесах с учёными, которые Низам аль-Мульк регулярно проводил в Моаскаре.

Но у двоих из завсегдатаев маджлесов подход к возможному участию в них шейха Мухаммада Газали был иной, и совсем по разным причинам. О них надо сказать отдельно, ибо оба они были людьми примечательными, если не сказать больше.

Первый, о котором теперь знает весь мир, это Гийяс ад-Дин Абуль Фатх Омар ибн Эбрахим Хайям Нишапури²⁰, широко известный как поэт, математик и астроном Омар Хайям. Вторым был Хасан ас-Саббах²¹, или на иранский манер — Хасан Саббах (Хасане Саббах), вошедший в историю Ирана в качестве основателя государства исмаилитов внутри Сельджукской державы. Тогда же, опираясь на присущий шиитам принцип *такия*, позволяющий им при необходимости (а шиизм был в ту пору совсем не в почёте) скрывать свою истинную веру, Саббах выдавал себя не только за убеждённого, но и за ревностного суннита.

---

²⁰ *Тахаллос* (литературный псевдоним) Хайям (Хаййам) нередко переводится на русский язык как «палаточник». Вряд ли такой перевод можно считать удачным. Во-первых, арабское по происхождению персидское слово *хэйме*, от которого образован этот тахаллос, имеет значение не только и не столько «палатка», сколько «шатёр». Во-вторых, слово «палаточник» применяется сейчас, прежде всего, в значениях «владелец торговой лавки» или же «продавец в ней», что теряет всякий смысл в контексте, когда речь идет об отце Омара Хайяма. Думается, что переводом слова *хаййам* следует признать «мастер, занимающийся изготовлением шатров». Да и само слово «шатёр» в данном случае более уместно, поскольку является производным от персидского *чатр*, имеющего в том числе такие значения, как «навес, тент».

²¹ По наиболее распространённой версии, Хасан Саббах (Hasan Sabbah), у которого было, разумеется, и применявшееся тогда именование на арабский манер, родился в иранском городе Кум. Однако именитый иранский историк XV века Мирхонд (Мухаммад ибн Хонд-шах ибн Махмуд) считал, что Хасан Саббах, так же как Низам аль-Мульк и имам Газали, происходил из Туса, вернее из одного из селений, расположенных около этого города и тяготевших к нему.

Долгое время имела широкое хождение легенда о так называемых трёх школьных друзьях²²: Низам аль-Мульке (тогда ещё Аль-Хасане ибн Али ибн Исхаке ат-Туси), Омаре Хайяме и Хасане Саббахе, которые, обучаясь якобы в одном и том же медресе, поклялись, что будут всячески поддерживать друг друга и, если один из них первым займёт какой-либо высокий пост, то поможет и двум другим продвинуться вверх по сельджукской иерархической лестнице. Поскольку первым «выбился в люди» Низам аль-Мульк, то он якобы подтянул к себе и «школьных друзей», то есть Омара Хайяма и Хасана Саббаха.

Легенда красивая, но недостоверная, поскольку из-за разницы в возрасте (Низам аль-Мульк был на несколько десятков лет старше остальных) учиться вместе в медресе в одно и то же время «школьные друзья» явно не могли. Считается, что первым обратил на это внимание британский востоковед, знаток иранской истории и литературы Эдвард Браун (1862–1926).

Несмотря на очевидную сомнительность легенды, и Омар Хайям, и Хасан Саббах действительно входили в то время в близкое окружение Низам аль-Мулька.

Как поэт Омар Хайям тогда известен в Халифате не был. Хорошие стихи в Иране сочиняли и сочиняют сейчас многие, но официально признавать авторство таких четверостиший (рубайи), какие приписываются сейчас Хайяму, было в те времена делом слишком рискованным. Если бы многие из этих стихов были известны участникам маджлесов у Низам аль-Мулька, их автор вряд ли мог быть там принят как почетный гость. Поэтому на маджлесе к визирю Хайям приезжал из Исфагана, где располагалась

---

²² Эта легенда излагалась, в частности, в предисловии к изданию переводов стихов Омара Хайяма, осуществленному английским поэтом Эдвардом Фицджеральдом.

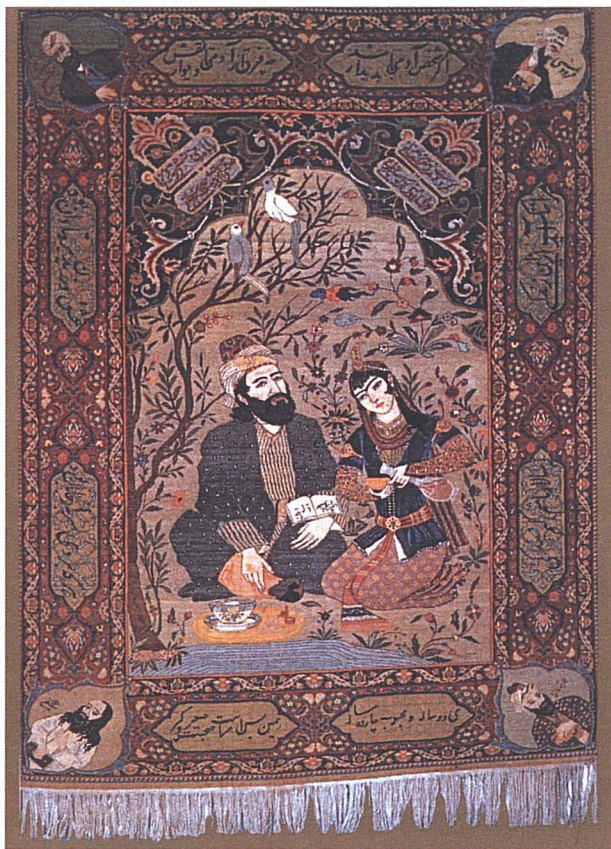
его знаменитая обсерватория, в качестве философа, математика и астронома. Да и в мусульманской юриспруденции — фикхе Омар Хайям разбирался профессионально, поскольку проходил обучение в медресе Нишапура, Балха, Самарканда и Бухары.

Говоря о четверостишиях Омара Хайяма, не следует забывать о присущей языку классической персидской поэзии иносказательности и образности. Помимо буквального, как бы открыто лежащего на поверхности, содержания его стихов, в них всегда просматривается и скрытый, метафорический смысл, в том числе в части, касающейся вина и его употребления.

Возражений против участия шейха Газали в маджлесах у Омара Хайяма не было. Более того, ему было даже интересно увидеть новое лицо среди изрядно надоевших ему скучных и самодовольных обычных участников диспутов, проводившихся Великим визирем. Хайяму хотелось бы, чтобы молодой учёный, прекрасно разбиравшийся, как гласила молва, в исламской юриспруденции, поставил на место некоторых напыщенных персонажей из числа завсегдадаев маджлесов, почитавших себя великими знаатоками этой науки.

Не был настроен против включения шейха Газали в число участников маджлесов и Хасан Саббах. Он намеревался посмотреть на молодого шейха в обстановке часто возникавших острых дискуссий, переходивших порою чуть ли не в открытые схватки между наиболее рьяными их участниками. Обладая глубокими познаниями в области исламских наук, Саббах был всегда готов сказать своё веское и нередко решающее слово по обсуждаемым вопросам. Так что соперника или же конкурента себе на маджлесах в лице шейха Газали он не видел. Напротив, он был даже заинтересован в том, чтобы тот участвовал

в маджлесах, это помогло бы ему понять, нельзя ли будет привлечь подававшего большие надежды молодого учёного на свою сторону и использовать его знания и авторитет в интересах создания исмаилитского государства.

«Омар Хайям со своей возлюбленной».
Ворсовый ковер. Табриз. XIX век. Государственный музей
азербайджанского ковра
и народно-прикладного искусства, Баку²³

²³ Наглядный пример буквального понимания стихов великого поэта.

Мухаммад тем временем уже обратился в канцелярию Низам аль-Мулька с просьбой принять его в число участников знаменитых маджлесов. Чиновники визиря отреагировали, однако, на его обращение без какого-либо интереса. «Мало ли кто чего захочет? Почему мы должны оказывать такую честь какому-то молодому шейху, считающемуся неизвестно почему большим знатоком фикха?» — посчитали бюрократившиеся чинуши, не удосужившиеся даже навести справки у авторитетных людей о том, кем являлся действительно довольно молодой шейх Мухаммад Газали.

Начальник канцелярии хотел уже вежливо отказать Мухаммаду, но вдруг совершенно неожиданно для себя услышал, что тот родом из Туса и видел там Великого визиря, когда он посещал медресе, в котором обучался будущий шейх.

Чутьё опытного придворного тут же подсказало ему, что во избежание каких-либо нежелательных осложнений надо немедленно доложить визирю об обращении шейха Газали.

Главный чиновник визиря не просчитался. Низам аль-Мульк сразу же заинтересовался молодым учёным, поскольку слышал о нём немало хорошего от имама аль-Джовайни. Великому визирю также захотелось увидеть своего земляка и поговорить с ним о Тусе.

Начальник канцелярии без каких-либо проволочек представил шейха Газали Низам аль-Мульку. Мухаммад ему понравился сразу: был он хорошо сложенным и аккуратно одетым в неброские одежды духовного лица молодым человеком с умными добрыми глазами.

Обсудив с Мухаммадом последние новости из Туса, Низам аль-Мульк как бы между прочим задал ему

несколько вопросов по фикху. По ответам на них он быстро понял, что имеет дело с неординарным учёным, с появлением которого его маджлесы могут стать более яркими и насыщенными по содержанию. Это было как раз то, о чём он давно мечтал.

Низам аль-Мульк пригласил поэтому Мухаммада на первый же предстоявший маджлес, где его ожидал своего рода сложный вступительный экзамен. Если он его успешно сдаст, то будет зачислен в число постоянных участников дискуссий у Великого визиря, если же нет, то придётся ему возвращаться в Тус.

Дебют Мухаммада на маджлесе прошёл для него триумфально. Все попытки участников дискуссии скомпрометировать его как знатока фикха оказались безрезультатными. Он с блеском отвечал на любой из задаваемых ему вопросов. А были эти вопросы непростыми, с умело завуалированными подвохами, уже не раз проверенными на других претендентах на вступление в ограниченное число участников маджлесов.

Особо усердствовал в постановке подобного рода вопросов Хасан Саббах. Омар Хайям же с нескрываемой симпатией следил за блистательными ответами на них Мухаммада.

Маджлес, проведённый с участием шейха Мухаммада Газали, произвёл на Низам аль-Мулька настолько благоприятное впечатление, что он сразу же по его окончании поручил своим подчинённым выделить новичку такие же апартаменты, как и уже зачисленным в «штат» постоянным участникам маджлесов, поставить его на щедрое денежное довольствие и обеспечить подобающей двору Великого визиря «представительской» одеждой.

Жизнь Мухаммада кардинально изменилась. У него появился, наконец, дом, в котором он мог спокойно думать, размышлять и писать новые книги, пользуясь при этом имевшейся в Моаскаре богатой библиотекой.

Размышляя однажды над ещё не осмысленными им до конца теологическими проблемами, Мухаммад услышал стук в дверь и поспешил её открыть.

За дверью находился не кто иной, как Хасан Саббах.

— Ты удивлен? — спросил он. — Я пришёл просто по-соседски, чтобы поговорить.

— Прошу, прошу, заходите, — ответил действительно удивлённый этим неожиданным визитом Мухаммад. — Располагайтесь, уважаемый Хасан, почувствуйте себя как дома. Мой дом — Ваш дом.

— Спасибо, шейх. Хотел бы установить с Вами более близкие, может быть, даже доверительные отношения. Как два тонких знатока исламских наук мы ведь могли бы создать нашу собственную группу единомышленников или даже положить начало какому-нибудь новому движению или течению, естественно, в рамках дозволенного законом и шариатом.

Эти слова насторожили Мухаммада. Сближение с Хасаном Саббахом совсем не входило в его планы, хотя тот и был широко образованным и знающим человеком, хорошо разбиравшимся в фикхе и других исламских науках.

— Спасибо, уважаемый Хасан, за Ваше внимание ко мне, признателен также за желание поближе познакомиться со мной, это для меня большая честь. Примыкать же к каким-либо группам и, тем более, движениям — в мои планы, однако, не входило, это не моя стезя.

Интересуюсь я только наукой и получением новых знаний. Для другого я не создан.

— Что ж, очень жаль. Значит, я напрасно тебя потревожил. Будь здоров, — сказал Саббах и, попрощавшись, покинул жилище Мухаммада.

Неожиданный визит Хасана Саббаха оставил у Мухаммада неприятное впечатление. От этого человека исходила явно ощущавшаяся большая внутренняя сила, но, была она не позитивного, а какого-то другого, едва ли не разрушительного свойства. Это настораживало и внушало смутное беспокойство.

«Зачем приходил ко мне этот сильный и странный человек? Чего он хотел от меня? — ответов на эти вопросы у Мухаммада не находилось. Но то, что от Хасана Саббаха надо держаться подальше, не афишируя этого, разумеется, — было ему совершенно ясно.

Новых бесед Саббах с Мухаммадом не затевал, на маджлесах они продолжали общаться, как и прежде, в уважительно-нейтральном тоне. Так и шло до тех пор, пока совершенно неожиданно не выяснилось, что под личиной ретивого суннитского учёного-правоведа, пригретого Великим визирем, скрывался его непримиримый враг — глава исмаилитов, стремившийся к всемерному ослаблению Сельджукской державы и созданию собственного государства.

Низам аль-Мульк был взбешён и приказал немедленно схватить Хасана Саббаха, но того уже и след простыл.

С Омаром Хайямом же у Мухаммада сложились добрые отношения буквально с первой их встречи. Возникшая между ними взаимная симпатия вылилась со временем в дружбу двух талантливых людей. Они стали встречаться вне формальной обстановки маджлесов, беседовать

на интересовавшие их темы. А их было много: от основ теологии до вопросов познания мира и тайн астрономии.

Поскольку Хайям был на десяток лет старше Мухаммада, тот проявлял по отношению к знаменитому нишапурскому учёному подчёркнутое уважение, неизменно величая его хакимом²⁴. Хайям же, не желая унижать младшего, не менее почтительно называл его шейхом.

В задушевных беседах их точки зрения сходились далеко не всегда и не во всём. Оба мыслили глубоко, но каждый по-своему, и это нравилось обоим, ибо делало их беседы еще более интересными.

Однажды во время очередного несовпадения взглядов Хайяма и Мухаммада, когда обоим не хотелось ставить друг друга в неловкое положение, раздался спасительный голос муэдзина, призывавшего правоверных к вечерней молитве.

— Вот и пришла Истина, уважаемый хаким, с облегчением сказал Мухаммад и, почтительно попрощавшись с Омаром Хайямом, поспешил в мечеть.

Омар Хайям же вновь удобно устроился на большом текинском ковре, сидя на котором, только что горячо спорил с Мухаммадом, и глубоко задумался. Итог его размышлений пришёл сам собой в виде нового философского четверостишия:

*Я для знаний воздвиг сокровенный чертог²⁵,
Мало тайн, что мой разум постигнуть не смог.
Только знаю одно: ничего я не знаю!
Вот моих рассуждений последний итог.*

---

²⁴ Этот почётный титул применялся по отношению к Омару Хайяму не только как к талантливому врачу (медицину он изучал в медресе наряду с мусульманским правом), но и в значениях «учёный», «мудрец» и «мыслитель».

²⁵ Омар Хайям имел в виду, скорее всего, свою обсерваторию в Исфагане.

В состоявшемся диспуте, — а он касался, прежде всего, вопросов фикха, — доводы шейха Газали оказались убедительнее умозаключений хакима Хайяма.

На регулярно проводившихся у Низам аль-Мулька маджлесах несколько их участников, не симпатизировавших Мухаммаду, продолжали задавать ему каверзные вопросы, на которые он всегда давал исчерпывающие и единственно правильные ответы.

Развёрнутый и умело аргументированный ответ Мухаммада на заданный ему однажды труднейший вопрос по фикху был настолько блестящим, что растроганный визирь решил вознаградить его за это наложницей.

Такое намерение Низам аль-Мулька застало Мухаммада врасплох. О возможности вхождения в его жизнь женщины, тем более неизвестной, он даже не помышлял, и готов к этому не был. Отказаться от такого щедрого дара Великого визиря он также не мог и принял его поэтому с благодарностью.

На другой же день в дверь его дома кто-то постучал. Открыв дверь, Мухаммад впустил внутрь посыльного визиря, рядом с которым стояла женщина с закрытым лицом.

— По велению Великого визиря Низам аль-Мулька я привёл к Вам рабыню, которая с этой же минуты будет принадлежать Вам, — официальным тоном произнёс посыльный и тут же откланялся.

Мухаммад остался один на один с бессловесной женской фигурой, наглухо укрытой неброского цвета накидкой.

— Не могла бы ты показать мне своё лицо, — обратился он к женщине спустя пару минут.

— Слушаюсь, мой господин, — ответила она по-арабски с еле уловимым, ещё не знакомым Мухаммаду акцентом и медленно сняла накидку.

Перед ним предстала молодая красивая женщина с утончёнными чертами лица и стройной фигурой, облачённая в элегантное платье, украшенное типично арабским орнаментом.

— Как тебя зовут? — спросил Мухаммад.

— Сауда²⁶, — ответила женщина.

— Откуда ты родом?

— Из Магриба²⁷. Я счастливо жила в благополучной арабской семье, пока на нас неожиданно не напали разбойники, похищавшие молодых женщин для продажи на невольничьих рынках Халифата. Оттуда меня привезли сначала в Шам²⁸, а потом уже сюда, в Нишапур.

— Могу говорить и по-персидски, — добавила Сауда на вполне приличном фарси.

— Ты училась? Что еще ты умеешь делать?

— Я изучала Священный Коран, могу читать и писать по-арабски, знаю и люблю стихи, особенно аль-Мутанабби²⁹, умею петь.

— Очень хорошо. Проходи внутрь, устраивайся, теперь это твой дом, — ответил Мухаммад, ещё не вполне пришедший в себя от внезапного появления рядом с ним молодой красивой женщины.

---

²⁶ В переводе с арабского — *Счастливая*.

²⁷ В переводе с арабского — «Страна, где заходит солнце» (в противоположность Хорасану, где оно восходит). Магриб включал в себя северные районы нынешних Марокко, Алжира и Туниса. Это название до сих пор применяется в арабском языке по отношению к Марокко.

²⁸ Нынешняя Сирия.

²⁹ Абу ат-Тайиб Ахмад ибн аль-Хусейн аль-Мутанабби — выдающийся арабский поэт (915–965).

Как будет складываться теперь его жизнь, Мухаммад ещё не знал, но прекрасно понимал, что прежней она уже быть не может.

И, действительно, с появлением Сауды изменилось буквально всё. Жизнь молодого учёного стала ярче, насыщенней и эмоциональней.

Сауда ему понравилась, он привязался к ней, а со временем и полюбил.

Она, в свою очередь, отвечала Мухаммаду искренним взаимным чувством, благодарила Аллаха за то, что по Его воле оказалась не просто у хорошего мужчины, а у доброго и благородного человека, который не будет её оскорблять и унижать. Для Сауды в её положении рабыни это было чрезвычайно важно.

Через какое-то время она стала, однако, чувствовать, что, несмотря на глубокую удовлетворённость тем, как удачно сложилась её судьба, она всё же тяготится положением рабыни и отсутствием сведений о своей семье.

Разговор об этом зашёл однажды как-то сам по себе.

— Конечно, я готов освободить тебя, дорогая Сауда, хоть сейчас. Но ты должна понимать, что за этим неизбежно последует. Жить свободной одна ты, понятно, не сможешь. Остаётся лишь вернуться в свою семью, если она найдётся, но тогда тебе, разумеется, придётся покинуть меня. Подумай обо всём этом хорошенько. Но в любом случае я постараюсь, как тебе хочется, узнать, что произошло с твоими родителями.

— Буду бесконечно признательна тебе, мой господин, большое спасибо тебе за это! — ответила Сауда.

Известие о её родителях пришло неожиданно быстро. Прибывший из Магриба посланец тамошнего правителя

сообщил, что они живы и здоровы. Посланец выразил готовность забрать Сауду с собой и отвезти к родителям.

Сообщив об этом Сауде, Мухаммад сказал ей, что она свободна и может, если захочет, отправиться в Магриб вместе с караваном посланца.

Обрадовавшись, Сауда стала благодарить Мухаммада за его доброту, она была счастлива от мысли, что скоро вновь увидит родителей.

Мухаммад, как и обещал, не возражал.

Сборы были недолгими, поскольку караван уже готовился к отбытию.

Взяв с собой лишь самое необходимое, Сауда в сопровождении людей посланца направилась к стоянке каравана.

С её уходом дом сразу опустел. Мухаммад остро почувствовал своё одиночество, ощутив, что оказавшаяся с ним случайно и жившая в его доме так недолго женщина стала ему за это время близким и дорогим человеком. Без нее он как будто вновь осиротел. Всё валилось из рук, мысли разбегались, даже работа над книгой о логике, которую Мухаммад намеревался преподнести Низам аль-Мульку, не шла — тоска не давала сосредоточиться. Жизнь надломилась, и как с этим теперь справиться, он не знал.

Через несколько часов раздался робкий стук в дверь.

Открыв её, Мухаммад застыл от радости: перед ним стояла заплаканная Сауда.

— Я возвратилась, дорогой Мухаммад, — прошептала она. — Не могу жить без тебя. Прости меня.

Радости Мухаммада не было предела. Впустив в дом молодую женщину, он сразу же попросил её готовиться пойти вместе с ним в располагавшуюся неподалёку собор-

ную мечеть: там они объявят о своём браке, и Сауда официально станет его женой.

Вернувшись из мечети, Мухаммад склонился к теперь уже законной жене и прочитал ей в порозовевшее от счастья и смущения ушко стихотворение любимого ею арабского поэта Мутанабби:

*Да я погиб, как многие, сражён
Румянцем щёк и белизною шеи.
Глазами дикой серны полонён,
Томлюсь от страсти, чахну, цепенею...*

Мухаммад был счастлив. Теперь он — женатый человек и может думать о собственных детях, которых ему давно хотелось иметь. В доме воцарилась новая, окрылявшая Мухаммада атмосфера, даже работа над книгой стала продвигаться быстрее. Тёплые волны любви, заботы и жизненной энергии, затопившие его с появлением молодой жены, позволили ему закончить свой труд даже раньше, чем предполагалось.

Окончательно откорректировав текст книги, Мухаммад отдал его работавшим при канцелярии визиря переплётчикам — сочинению надо было придать должный, достойный для поднесения второму лицу в государстве вид.

Уважительно взвесив на руках полученный от них через несколько дней фолиант и бегло пролистав его страницы, Мухаммад решил дожидаться дня, когда будет проводиться очередной маджлес, чтобы вручить свою книгу Низам аль-Мульку.

Вскоре этот день настал, и Мухаммад направился на маджлес с завернутой в неброскую добротную ткань монографией о логике. Участники маджлесов с интересом, а некоторые и с плохо скрываемой завистью, погля-

дывали на его ношу, понимая, что шейх Газали намерен преподнести Великому визирю что-то важное.

Маджлес начался и проходил в уже давно сложившемся и привычном для всех формате. Сначала высказался на злобу дня Низам аль-Мульк, потом стали подниматься вопросы дискуссионного порядка, так или иначе замыкавшиеся в конце концов на Мухаммаде. Ответив на очередной, адресованный ему заковыристый вопрос, он с почтением преподнёс принесённую книгу визирю.

Поблагодарив Мухаммада и прочитав вслух название книги: «Логика», Низам аль-Мульк сказал, что необходимость в такой книге назрела давно, и шейх Мухаммад Газали поступил правильно, посвятив свой труд именно этой очень актуальной сейчас теме.

По окончании маджлеса Низам аль-Мульк попросил Мухаммада задержаться и, усадив его поближе к своему похожему на трон, богато инкрустированному креслу, сказал:

— Награждаю тебя, шейх Мухаммад новой наложницей и верховым животным. Говори, что я ещё могу для тебя сделать.

— Спасибо, мой Господин. Вы очень добры ко мне, Ваша милость поистине не знает границ. Я с глубокой признательностью принимаю верховое животное, но наложницей почтительнейше прошу меня не жаловать.

— Почему, шейх? Ты так привязан к своей жене, что тебе не нужна ещё одна женщина? — с неподдельным удивлением спросил искушённый не только в государственных, но и в амурных делах Низам аль-Мульк.

— Да, мой Великий визирь. Я люблю свою жену, и другой женщины мне не надо. Не хочу тратить время на женщин, оно нужно мне для занятий наукой.

— Хорошо, как знаешь. Пусть будет так, как ты хочешь. Проси еще, чего бы ты хотел?

— Мое большое желание — я бы хотел поехать в Багдад, чтобы преподавать в созданном Вами там медресе Низамийя.

— Значит, ты хочешь меня покинуть? Тебе надоели мои маджлесы, или ты отказываешься более служить мне?

— Конечно, нет, мой многоуважаемый Великий визирь. Я безгранично Вам предан и готов служить Вам, сколько Вы пожелаете. Но моё служение было бы ещё более результативным, если бы я поработал преподавателем в Вашем медресе в Багдаде, пообщался с тамошними большими учёными, приобщился к их мудрости и знаниям.

— Мудрости и знаний тебе хватает и так. Но я понимаю твоё желание поехать в Багдад, чтобы оказаться в обстановке столичной учёности. И я отпущу тебя, но не сейчас, а позже. Сейчас ты нужен мне здесь: ты украшение моих маджлесов, их яркая звезда.

— Спасибо, мой Господин, да хранит Вас Господь.

— Отпускаю тебя с миром, шейх, продолжай трудиться на ниве науки в интересах ислама и законной власти.

Мухаммад так и поступил. Он много читал, обдумывал темы новых книг, принимал самое активное участие в работе маджлесов — словом, делал всё то, что и было нужно Низам аль-Мульку. И все это при полном понимании и поддержке жены Сауды.

А Великий визирь, в свою очередь, советовался с Мухаммадом по ряду возникавших в Халифате сложных вопросов и всемерно поощрял его за предлагавшиеся им верные варианты их решения. Цени своего учёного помощника, он присваивал ему почётные титулы, подчёркивавшие высокий уровень исламской компетентности Мухаммада. Сна-

чала он был провозглашён «Украшением религии» (*Зейн ад-Дин*), а затем и «Честью имамов» (*Шараф аль-Аима*).

В один прекрасный день размеренный ход жизни Мухаммада был нарушен самым кардинальным образом: Сауда подарила ему сына. Счастье Мухаммада было безмерным. Он не мог налюбоваться родившимся ребёнком, находя в нём сходство с собой и с родными ему людьми — братом и покойным отцом, радовался появлению продолжателя их рода.

— Господин мой, как ты хочешь назвать нашего сына? — спросила Сауда.

— Назовём по-персидски Хамедом, — быстро ответил Мухаммад. — Это будет выражением нашей самой глубокой и искренней благодарности Милостивому и Милосердному Аллаху за проявленную Им к нам доброту³⁰. В произношении арабов имя будет звучать так же прекрасно — Хамид³¹. Моя куныя будет тоже произноситься как Абу Хамид, а писаться — Абу Хамед, с буквой *алеф*.

— Прекрасно, — незамедлительно отреагировала Сауда.

С рождением сына и его взрослением время стало лететь ещё быстрее. День за днём, месяц за месяцем, год за годом.

И вот однажды, совершенно неожиданно для Мухаммада, Низам аль-Мульк срочно вызвал его к себе.

— Собирайся, шейх Мухаммад, поедешь, как ты и хотел, в Багдад. Будешь преподавать там фикх в Низамиййя вместо покинувшего этот мир почтенного шейха. Уверен, ты с этой задачей прекрасно справишься. Желаю тебе успеха, и в добрый путь. Отправляйся завтра же.

---

³⁰ О трактовке имён Хамед и Хамид см. выше: стр. 21.

³¹ *الحميد*, ал-Хамид (al-Namid). «Славный, Достойный всех похвал» — одно из 99 Прекрасных Имен Аллаха. Этим Именам посвящена одна из написанных имамом Газали книг.

Почтительно и сердечно поблагодарив Великого визиря, Мухаммад поспешил домой, чтобы обрадовать Сауду, которая, как и он, давно мечтала увидеть Багдад.

Это случилось по прошествии пяти лет, проведённых Мухаммадом в нишапурском Моаскаре.

А было ему в ту пору 34 года.

Багдад

Багдад и порадовал, и разочаровал, и насторожил Мухаммада.

Порадовал большими возможностями для углубления познаний в исламских науках через общение с проживавшими здесь маститыми специалистами в этой области, великой честью — преподавать фикх в главном медресе Халифата.

Разочаровал убожествой той части города, где обитала городская беднота и царила поражающая глаз нищета. Особенно больно было смотреть на это на фоне богатых районов и дворцов правителей³². Такого увидеть в столице Халифата Мухаммад не ожидал.

Насторожила же его столица изобилием разного рода мусульманских сообществ, групп и течений, представители которых открыто враждовали друг с другом. Как и в Горгане,

---

³² Главных дворцов было два — один принадлежал халифу, другой — реально правившему Халифатом сельджукскому султану. По сути дела, Багдад был на положении столицы одной из провинций Великого Сельджукского государства, а сам халиф обладал на деле довольно ограниченными полномочиями главы города. В то же время он олицетворял, да и то, правда, весьма иллюзорно, высшую духовную власть, формально узаконивая восшествие на престол того или иного султана. Подлинная же власть находилась в руках самих султанов и их визирей.

дело нередко доходило до ожесточённых столкновений, порою даже с применением оружия, однако здесь все происходящее было во много раз значительнее и масштабнее.

Неблагоприятным для Мухаммада как выходца из Хорасана оказался, опять же, как и в Горгане, климат. Летом в Багдаде было очень жарко, порою зной и духота были непереносимы, зимою — значительно теплее, чем дома. Город нередко накрывали песчаные бури — *хамсины*, а весной вспыхивала тяжелая местная лихорадка, которую переносили москиты, водившиеся здесь в изобилии.

Подавляющее число жителей города говорило по-арабски, конечно, это был не литературный арабский язык, а его местный багдадский диалект. Для Мухаммада, прекрасно знавшего арабский язык в основных его вариантах, и тем более Сауды, для которой он был родным, никаких серьёзных проблем это не создавало.

Порою слышалась здесь и родная для Мухаммада персидская речь, её носители не были здесь редкостью. Некоторые издавна проживали в Багдаде, другие приезжали сюда время от времени по торговым и другим делам.

Да и вообще эта часть Халифата не была исторически чуждой для Мухаммада. Не так уж и давно она находилась в составе некогда мощной иранской державы Сасанидов³³. В пяти *фарсах*³⁴ от Багдада вниз по течению реки Тигр находилась и одна из её столиц — когда-то огромный город Ктесифон. Само название главного города Халифата без особого труда осмысливалось через персидский язык как «Богом данный», или же «Божий дар».

По-настоящему познакомиться с главным городом Халифата и его достопримечательностями у Мухаммада,

---

³³ «Государство персов» (*Эранишаһр*) существовало с 224 по 654 год.

³⁴ *Фарсах* — иранская единица измерения пути равняется 6 км.

как это всегда случалось с ним по приезде на новое место, не получилось. Он сразу же с головой ушёл в преподавательскую работу в Низамиййя — читал лекции учащимся медресе, нередко проводил с ними личные собеседования. В его обязанности также входили составление учебных программ и общение с коллегами-преподавателями.

Много времени уходило на подготовку *фетв*³⁵ — богословско-правовых заключений по возникавшим в жизни мусульман актуальным вопросам различного свойства.

Что касается личной жизни, то она наладилось в Багдаде довольно быстро. Мухаммаду предоставили удобное комфортабельное жильё, числившееся за Низамиййя. Сауда с головой ушла в бесконечные домашние хлопоты по ведению хозяйства и уходу за ребёнком, а сам он целиком и полностью отдался преподавательской и научной работе.

Слушатели Низамиййя учились с желанием, стремились к знаниям и должному восприятию исламского мировоззрения. Они прекрасно понимали, что без этого не смогут построить и достойным образом обеспечить свою будущую жизнь.

Знания, которые вкладывал в головы учащихся шейх Мухаммад Газали, усвоить было не так-то просто. В них надо было глубоко вникать, чтобы потом правильно применять на практике. Учителя засыпали множеством вопросов, в том числе касавшихся того, что происходило за стенами медресе. А там бушевали страсти, велись ожесточённые споры между сторонниками различных религиозно-политических учений. Масло в огонь умело подливали вездесущие эмиссары Хасана Саббаха.

---

³⁵ В единственном числе — *фетва*.

Мухаммад не только разъяснял истинное положение вещей своим ученикам, нередко ему удавалось и мирно разрешать бушевавшие на улицах Багдада конфликты на религиозной почве.

Владея в совершенстве «ясным арабским языком»³⁶ Корана, Мухаммад доходчиво разъяснял своим слушателям значение коранических терминов, рассказывал о нюансах их понимания и толкования в различных *мазхабах*³⁷.

Не было ни одного слова в Священной книге, которого бы он не знал. Более того, он не только понимал каждое слово, но и знал, почему именно оно употреблено в Коране в том или ином контексте.

Читал Мухаммад свои лекции на арабском языке, но отличавшемся от того, на котором был ниспослан Коран. Был это общедоступный всем арабам так называемый литературный язык. На нём составлялись официальные документы, писались книги, произносились речи и обращения халифов и султанов к правоверным.

Времени для написания книг, — а Мухаммад без этого уже не представлял себе своей жизни, — оставалось до боли мало. Приходилось работать по вечерам, а иногда и ночью. Выручала Сауда, строго следившая за тем, чтобы муж был сыт, ухожен и в меру выспался.

В результате появлялись новые книги, складывался свой, оригинальный стиль изложения тех вопросов, которым они посвящались.

Намереваясь, например, опровергать чьи-то взгляды, шейх Газали вначале объективно излагал их и только после

---

³⁶ Перевод подлинного словосочетания из текста Корана.

³⁷ *Mazhab* — в переводе с арабского «путь», здесь этот термин употреблён в значении «толк», или же богословско-правовая школа.

этого критиковал. Так он поступил, в частности, в отношении фаласифа, то есть мыслителей, которые ориентировались на античные модели философствования. В одной книге — «Намерения философов» (Макасид ал-фаласифа) Мухаммад изложил систему их взглядов, а во второй — «Самоопровержение философов» (Тахафут ал-фаласифа) подверг их критике.

Сцены ночного города. Художник Мир Саид Али.
40-е годы XVI века.

Кембридж. Музей Гарвардского университета

Шейх Мухаммад Газали писал богатым самобытным языком, использовал сравнения, взятые из самой жизни, ввёл оригинальный метод общения с читателем: «Знай, что...», «И если ты спросишь...», «Я сказал...», проявив себя в своих трудах глубоким философом-мыслителем.

Вскоре после переезда в Багдад Мухаммад как признанный знаток фикха был представлен халифу Абдуллаху аль-Муктади и произвёл на него самое благоприятное впечатление. С халифом у Мухаммада установились добрые отношения, которые не только продолжились, но и углубились при его сыне, Ахмаде аль-Мустазхире Биллахе, сменившем скончавшегося отца. Новый халиф был намного моложе Мухаммада и относился к нему с поистине сыновним уважением.

Халифы ценили Мухаммада и нередко советовались с ним по вопросам не только сложным, но порою и деликатным, касавшимся ситуации в мусульманском мире. Их интересовала трактовка этих вопросов с точки зрения исламской юриспруденции, в знании которой, по утвердившемуся в Багдаде мнению, равных шейху Мухаммаду Газали в городе и его округе не было.

Не без учёта их мнения Мухаммад был признан выдающимся авторитетом в исламской теологии и получил новый почётный титул *Худжжат уль-ислам*³⁸, означающий «Доказательство (или Довод) ислама».

— Достопочтенный Худжжат уль-ислам шейх Абу Хамид Мухаммад бен Мухаммад аль-Газали ат-Туси, — громким, чуть хрипловатым голосом представил Мухаммада величавый церемониймейстер во время происходившей в главном дворце Багдада торжественной церемонии провозглашения новым халифом Ахмада аль-Мустазхира.

---

³⁸ В сложившейся применительно к Ирану традиции — *ходжжательэслам*.

Официальное признание Мухаммада видным учёным, как и возможность иметь своих учеников и наставлять их в исламских науках, радовали его, а значит — делали счастливой и Сауду. Но, к сожалению, счастье в их любящей семье длилось недолго.

В дом Мухаммада пришло горе. Тяжело заболел и через несколько дней умер Хамид, в котором не чаяли души и отец, и мать. Его поразила тяжёлая форма местной лихорадки, которую не смогли вылечить даже лучшие врачи столицы Халифата.

Со смертью сына, «света его очей» и надежды жизни, у Мухаммада что-то оборвалось внутри, он стал замыкаться в себе, думать о причинах поразившего его страшного несчастья.

«Не повинен ли в этом как-то я сам? Правильно ли веду свою жизнь? Не грешу ли в чём перед Богом?» — такие мысли стали всё чаще посещать Мухаммада.

Не оставаться один на один с мучившими его сомнениями и не пасть духом окончательно помогали только занятия со слушателями в Низамиййя и работа над новыми книгами.

Преданная Сауда также по-прежнему старалась облегчить жизнь мужа. Её любовь и неустанная забота поддерживали и успокаивали Мухаммада в их общем горе. А когда жена осчастливила его рождением дочери, Мухаммад как бы получил новое дыхание. Жизнь вновь обрела смысл.

По обоюдному согласию назвали родившуюся девочку Фатимой в честь особо почитаемой мусульманами четвёртой дочери пророка Мухаммада от его первой и любимой жены — Хадиджи бинт Хувайлид³⁹.

---

³⁹ В нынешнем — шиитском — Иране высоко почитается и другая Фатима (в иранском произношении *Фатиме*) — сестра восьмого имама

Вновь установившиеся, казалось, семейное счастье и спокойствие в семье Мухаммада внезапно подорвала долетевшая до столицы Халифата трагическая весть.

14 октября 1092 года близ Нехавенда⁴⁰, по пути из Исфaghана в Багдад, был коварно убит высоко чтимый Мухаммадом Низам аль-Мульк. По городу сразу же поползли слухи о том, что совершил это подлое преступление подосланный Хасаном Саббахом убийца-исмаилит.

Убийца Низам аль-Мулька, действительно, был исмаилитом. Но за его спиной, согласно имеющейся информации, могли стоять также жена Малек-шаха — Теркен Хатун и даже, возможно, сам султан.

Теркен Хатун возненавидела Низам аль-Мулька за то, что он прочил в официальные наследники султана его сына не от неё, а от другой жены. Султан же, в свою очередь, не только охладил к тому времени к некогда высоко ценимому им визирю, но и стал тяготиться тем, что именно Низам аль-Мульк, а не он, Малек-шах, реально правил Великим Сельджукским государством.

Низам аль-Мульк был похоронен в Исфaghане. Через некоторое время рядом с ним упокоился и его суверен — султан Малек-шах, погибший при оставшихся невыясненными обстоятельствах на охоте близ Багдада через тридцать дней после убийства его могущественного визиря. Их могилы сохранились и сейчас — в небольшом павильоне, расположенном в центре нынешнего Исфaghана, на одной из небольших улиц неподалёку от центральной магистрали Вали Аср.

Резы. Её гробница в городе Куме — одна из главных святынь в стране, место массового паломничества.

⁴⁰ В персидском произношении *Нахаванд* — древний город в 310 км к юго-западу от Тегерана.

Угрозы от исмаилитов получал и сам Мухаммад. Всецело полагаясь на волю Аллаха, он, однако, реальной тревоги по этому поводу не испытывал и даже отказался от услуг стражников, направленных для его охраны халифом Ахмадом аль-Мустазхиром.

А причины для тревоги всё-таки были. Мухаммад ведь написал недавно по просьбе халифа книгу с резкой критикой батинитов-исмаилитов. По своему обыкновению, он сначала подробно изложил их взгляды, чего ранее не делал никто, а потом аргументированно охарактеризовал их, дав оценку, что они ведут «к высшей степени неверия».

Не знал Мухаммад, что как только появилась на свет его книга, о ней было сразу же доложено находившемуся в крепости Аламут⁴¹ предводителю исмаилитов Хасану Саббаху. Его осведомители таились тогда повсюду, ими были буквально напичканы дворы султана Малекшаха, его визиря Низам аль-Мулька и халифа Ахмада аль-Мустазхира. Доставлялась Саббаху полученная ими информация в самые кратчайшие сроки. Для этого использовались все имевшиеся в наличии средства, в том числе и почтовые голуби.

— Господин наш⁴², — начал в Аламуте свой очередной доклад Хасану Саббаху его помощник, отвечавший за самые важные и деликатные дела, — шейх Газали написал книгу, направленную против нас и нашего учения.

---

⁴¹ Аламут («Орлиное гнездо») — горная крепость, расположенная на утёсе высотой более двух тысяч метров на расстоянии примерно в 100 км от Тегерана. Крепость была хитростью захвачена Хасаном Саббахом и превращена в непреступную твердыню, которую не смогли взять штурмом осаждавшие её по приказу Низам аль-Мулька сельджукские войска. Сам Сабах вёл в крепости сугубо аскетический образ жизни. Он никогда не покидал её, постоянно руководя оттуда всеми делами исмаилитской общины в Иране.

⁴² В оригинале *Саййидна* — почтительная форма обращения.

Книга очень вредная, и я предлагаю убрать этого Газали, покончить с ним.

— Нет, — ответил, поразмыслив, Саббах. — Поступим по-другому.

— Приказывайте, Саййидна. — Сделаем всё, как Вы скажете.

«Шахская охота». Миниатюра из альбома. Табриз.
40-е годы XVI века.

Санкт-Петербург. Государственная публичная библиотека

— Убивать Газали, хотя его книга и вредит нам, нельзя. Это возвеличит его, сделает в глазах простых людей *шахидом*⁴³. Интерес к его книге возрастет, её будут читать с тем большим интересом. Нам этого не надо.

— Как же следует поступить тогда?

— Срочно скупите все списки его книги, пока они не разошлись, и уничтожьте — сожгите их. Тогда уже никто не сможет использовать книгу Газали во вред нам.

— *Чаши*⁴⁴, Саййидна. Немедленно приступаем к исполнению Вашей воли.

Буквально на другой день посланцы Хасана Саббаха стали лихорадочно скупать и уничтожать книгу Мухаммада. Но свою роль она тем не менее сыграла. Мухаммад выполнил поручение халифа, и те влиятельные люди, которым в первую очередь надлежало с ознакомиться с его трудом, смогли его прочесть и сделать для себя должные выводы. Сохранилась она и для истории под названием «Аль-Мустазири» — по имени инициировавшего её написание халифа.

Еще более важным обстоятельством стало то, что сам автор — Мухаммад Газали — избежал в связи с написанием этой книги реальной смертельной угрозы со стороны батинитов-исмаилитов.

Об этом, однако, Мухаммад не думал. Его больше беспокоила тогда начавшаяся после смерти Малек-шаха непримиримая борьба членов его семьи и ближайших родственников за султанский трон. В результате придворных распрей ослабилось и без того весьма эфемерное единство

---

⁴³ *Шахид* (*Shahid*) — мученик, умерший за веру.

⁴⁴ «Слушаюсь» (перс.).

мусульманского мира, особенно на фоне начавшихся Крестовых походов из Западной Европы в Палестину, к Гробу Господню.

Всё это, как и выявившиеся в Низамиййя финансовые злоупотребления её руководства, резко усилило уже возникшие ранее у Мухаммада сомнения относительно правильности земного пути, по которому он долгие годы целеустремленно следовал. Он стал думать, что, наверное, излишне привязался к благам мирской жизни и ко всему бренному, что его окружало. Анализируя в свойственной ему безжалостной по отношению к себе манере свою тогдашнюю жизнь, Мухаммад счёл лучшим и наиболее плодотворным из того, что делал, преподавательскую работу в Низамиййя.

«Но делаю ли я её лишь ради Всевышнего?» — задал он себе в связи с этим важнейший и самый трудный вопрос.

Ответ пришёл не сразу и оказался весьма неутешительным: «Нет, скорее, ради славы и почёта, то есть ради земной, дольной жизни».

Остро ощутив, что находится на краю нравственной пропасти и даже может попасть не в Рай, а в Ад, Мухаммад понял, что должен кардинально менять свою жизнь. Но, как именно сделать это, ему ещё не было ясно.

В богословских науках он знал и понимал всё, мог ответить на любой вопрос, даже поставленный провокационно, с целью сбить его с толку. У него всегда было доказательство, или довод, в пользу ислама, что и дало основание для присвоения ему титула *ходжатольэслам* — «Довод ислама» (что следует понимать как «Доказательство истинности ислама»).

Но на сердце не становилось от этого спокойней. Что-то, как казалось Мухаммаду, всё-таки ускользало от его взгляда,

оставалось вне поля его зрения. Что это было такое, он не знал, но стремился понять. Желание разобраться в беспокоивших его вопросах не только не покидало Мухаммада, но и неустанно нарастало. Бог — человек — его чувства — понимание сути жизни и происходящего — эти понятия в их взаимосвязи, как и целый ряд других вопросов, были глубоко и, казалось бы, всесторонне им осмыслены. Но почему он не может найти себе покоя, что же тогда он упустил — может быть, практику суфиев? Возможно, они глубже и чётче чувствуют то, что его волнует, а его знания иллюзорны?

От охватывавших его раздумий и сомнений Мухаммаду становилось всё хуже и хуже. Он даже потерял дар речи, иначе говоря, утратил возможность заниматься своим главным делом — преподаванием в Низамиййя. Из-за глубочайших переживаний он уже с трудом поддерживал в себе жизнь и был даже не в состоянии принимать без посторонней помощи пищу. Врачи помочь ему не могли. Теряясь в догадках, они лишь единодушно констатировали, что поразивший Мухаммада недуг не был каким-либо образом связан с физическим состоянием его организма.

А чем был вызван этот недуг, знал только сам Мухаммад: причина его таилась в состоянии его души, во внутреннем разладе с самим собой. Постепенно шейх пришел к пониманию, что у него остался единственный выход — надо отказаться от славы, почёта и материального благосостояния, уйти от суеты мирского бытия в мир духовный, отстраниться от земных благ для слияния с Богом.

Объявив всем, что отправляется в Мекку, чтобы совершить хадж⁴⁵, Мухаммад собрался направить свои стопы в Дамаск, поскольку время паломничества в Святые места

---

⁴⁵ Паломничество в Святые места — Мекку и Медину.

ещё не наступило. С руководством Низамийя удалось договориться, что его обязанности будет исполнять в его отсутствие брат Ахмад, прибывший как раз в это время в Багдад, чтобы навестить Мухаммада. Это позволило его семье остаться в выделенных ему руководством медресе жилых помещениях.

Начался период многолетнего уединения шейха Газали и его внутреннего самосовершенствования — важнейший этап познания им Бога не столько разумом, сколько душой и сердцем.

ФАСЛЬ ВТОРОЙ

Многолетнее отшельничество и просветлённый выход из него

*Чтоб стал твой мир прозрачен
и лучист, —
Ты сердце, словно зеркало, очисти!*

Джалаладин Руми

Дамаск

По прибытии в Дамаск Мухаммад сразу же направился в Большую мечеть, именовавшуюся также Мечетью Омейядов. Размещалась она в основной части города, имела огромный молитвенный зал, отличалась великолепием и богатым внутренним убранством.

Придя в администрацию мечети, Мухаммад написал записку, в которой объяснил, кто он такой и зачем пришёл. Высказанная им просьба была необычной: разрешить ему поселиться в одном из пустующих помещений мечети для молитв, раздумий, чтения и написания книг. Взамен он был готов заниматься уборкой помещений.

Быстро сообразив, с кем они имеют дело, служители мечети согласились выполнить просьбу Мухаммада и, конечно же, срочно оповестили имама мечети об их необычном посетителе и его просьбе. Имам был удивлён, но торопить события не стал. Пусть известный в мусульманском мире учёный, тем более потерявший по какой-то причине дар речи, обживётся в мечети, и тогда с ним

можно будет пообщаться в более благоприятной и располагающей к этому обстановке.

Место для проживания Мухаммаду выделили у западного минарета мечети¹, здесь же он занялся уборкой прилегавшей к нему территории. Проблем с питанием также не возникло, он приобщился к общему столу служителей мечети.

Всё свободное время Мухаммад проводил в молитвах и раздумьях, приобщаясь к святости мечети, в которой находился. Постепенно он успокаивался, одолевавшие его ранее сомнения уходили, что убедительно подтверждало правильность принятого им решения отречься от всё глубже затягивавшего его в свои бездонные пучины мирского бытия.

Мечеть Омейядов.
С сирийской почтовой открытки 1970-х годов

И однажды Мухаммад вдруг почувствовал, что к нему возвращается дар речи, он начинает свободно произносить

---

¹ Там и сейчас есть место, которое называется в честь имама *Газалия*.

слова и, как и прежде, чётко и ясно излагать вслух свои мысли. По Божьей воле он преодолел поразивший его ранее тяжелейший духовный недуг, получил прозрение, ощутил Свет веры!

Радостная весть о возвращении дара речи к шейху аль-Газали сразу же дошла до имама мечети. Посетив Мухаммада, он поздравил его с выздоровлением и предложил обучать здесь, в благословенных стенах великой мечети, её некоторых прихожан, жаждущих получить углублённые знания из уст «Доказательства ислама».

Мухаммад обещал подумать и через некоторое время согласился, сказав, что будет делать это в форме частного общения наставника со своими учениками, а не так, как в багдадском Низамийя, где он читал публичные лекции. В результате возникло некое подобие *завийа* в обоих значениях этого ёмкого по тем временам понятия: как учебного заведения при мечети и как места общения шейха со своим последователями.

А сам Мухаммад стал тем временем всё больше склоняться к суфизму, активно прибегая к используемой в нём практике «уединения», «духовного старания» и «пребывания во служении», к коему, в частности, можно было отнести его работу в качестве уборщика помещений.

В мечети ему часто доводилось бывать у здешней святыни — захороненной в центре молитвенного зала головы пророка² Яхьи³ — одного из более чем ста тысяч пророков, предвещавших приход Печати Пророков — Мухаммада. Серебряное окошко святыни было отполировано до блеска бесчисленными прикосновениями рук и благоговейными поцелуями правоверных.

---

² *Наби*, множественное число — *анбийа*.

³ В понимании христиан — Иоанн Креститель, ближайший предшественник Иисуса Христа, крестивший его.

Поскольку Яхья высоко почитался христианами как Иоанн Креститель, Мухаммад не мог не задумываться здесь, у его святыни, о соотношении ислама и христианства, о том, что их разъединяет и что сближает. В связи с разворачивавшимся Крестовым походом мысли приходили разные, но главной при этом всегда была одна: мусульмане должны забыть о своих разногласиях и дать коллективный отпор иностранным пришельцам.

В молитвенном зале Мухаммад нередко встречал своего старого друга Ибрагима Шебака, с которым вместе учился когда-то в Горгане у имама Исмаили. Ибрагим стал теперь *модаррэсом*⁴ в одном из главных медресе Дамаска. Другьям всегда было о чём поговорить, но чаще всего они вспоминали Горган и с удовлетворением отмечали, что здесь, в Дамаске, климат намного лучше, да и дышится значительно легче.

Жизнь в мечети проходила в мыслях и трудах и была так насыщена духовно, что Мухаммад даже не замечал её безжалостной быстротечности.

В Багдад о себе он ничего не сообщал, туда его и не тянуло. Время выхода из отшельничества ещё не наступило. Хадж опять откладывался на неопределённое время. Из-за сильных дождей в Мекке начался потоп, и Мухаммад решил поехать с караваном в другое священное для мусульман место — Аль-Кудс⁵.

---

⁴ *Модаррэс* — здесь в значении «преподаватель богословия».

⁵ Аль-Кудс — арабское название Иерусалима.

Аль-Кудс (Иерусалим)

Добравшись до Аль-Кудса и договорившись о проживании в мечети Куббат ас-Сахра⁶ («Купол скалы») на таких же условиях, как и в Мечети Омейядов, Мухаммад направился в расположенную рядом мусульманскую святыню — мечеть Аль-Акса, откуда Посланник Аллаха совершил своё ночное вознесение к Всевышнему Аллаху. Здесь Мухаммад долго и проникновенно молился, просил Аллаха о ниспослании ему божественной благодати. Почувствовав, что его молитвы приняты, он ощутил прилив духовных и физических сил и в приподнятом настроении направился на ночлег в мечеть Куббат ас-Сахра.

Духовные страдания, одолевавшие его ранее, постепенно отступали. Им на смену приходила — он это чувствовал — крепнущая уверенность в себе и готовность сказать собственное веское слово по всем важным в его понимании вопросам исламских наук о вере.

Это «веское слово» представлялось Мухаммаду в виде фундаментального, многотомного исследования под названием «Воскрешение⁷ наук о вере». Структура этого произведения, его главные идеи и выводы уже чётко выкристаллизовывались в голове Мухаммада, и он готов был приступить к написанию этого исследования уже здесь, в Аль-Кудсе.

Но сначала надо было совершить ещё одну важную для предстоявшей работы поездку — побывать у могилы

---

⁶ Расположенная на Храмовой горе мусульманская святыня, уступающая по значению мечети Аль-Акса.

⁷ В качестве подлежавшей «воскрешению» имаму Газали представлялась тогдашняя суннитская схоластика.

первого проповедника правильного единобожия пророка Ибрахима⁸. Располагалась она в нескольких фарсах южнее Аль-Кудса — в Аль-Халиле⁹, на восточном берегу реки Иордан.

Добравшись туда, Мухаммад сразу же направился к пещере Махпела¹⁰, месту захоронения пророка. После продолжительной молитвы в мечети над пещерой он дал клятву, что не будет более брать деньги у властей предержавших, не будет служить правителям и не будет участвовать в диспутах учёных.

Теперь, когда на душе стало ещё спокойнее, можно было приступить к написанию задуманного труда¹¹, который должен был дать ответы на все вопросы, ставшие на тот момент актуальными в исламском богословии. Создать такой труд раньше, в Багдаде, Мухаммад, как ему стало ясно, не мог. Там он вёл спокойную и обеспеченную во всех отношениях жизнь, преподавал слушателям Низамийя уже познанное и осмысленное им и другими. Сейчас же он пойдёт дальше, скажет то, что ещё не говорилось никем, углубится в те вопросы, в которые ещё не вникал никто, попытается соединить суннитские догмы со ставшими ему близкими суфийскими ценностями.

Работа над трактатом началась и стала продвигаться, но неожиданно в её ход вмешался правитель Аль-Кудса. Посчитав, видимо, что присутствие имама аль-Газали в городе уменьшает его собственную значимость в глазах горожан, он вежливо, но настойчиво, предложил ему

---

⁸ Ибрахим — в христианской традиции Авраам.

⁹ Хеврон (Хеброн).

¹⁰ «Двойная пещера».

¹¹ Согласно некоторым источникам, имам Газали мог в то время совершить также поездку в Александрию.

направиться в Мекку для совершения паломничества. Туда как раз уходил караван из Аль-Кудса.

Поскольку Мухаммад действительно говорил раньше правителю о своём желании совершить хадж, отказаться от сделанного им предложения он не мог. Так что через несколько дней он уже был на пути в Мекку.

А тем временем к Аль-Кудсу уже приближались войска крестоносцев¹².

Мекка

Совершив в состоянии большой внутренней приподнятости хадж и удостоившись почётного звания *хаджи*¹³, Мухаммад не стал покидать Мекку вместе с караваном, с которым прибыл из Аль-Кудса. Он решил остаться в Мекке, чтобы завершить здесь, у главного исламского святилища — Досточтимой Каабы¹⁴, начатый им капитальный труд, призванный помочь мусульманам правильно понимать суть своей религии и поступать в строгом соответствии с её предписаниями.

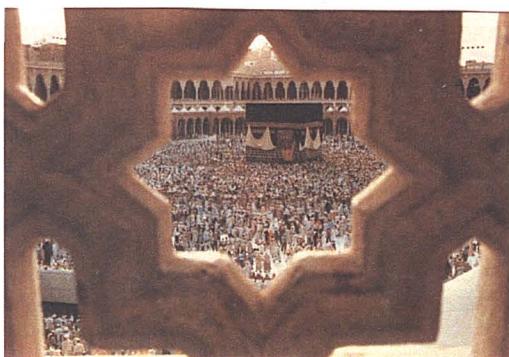
Работалось здесь легко, помогала, видимо, сама святость этого места. Из четырёх томов, каждый из которых состоял из десяти книг, уже было написано три. Сейчас он трудился над «Книгой о бедности и аскетизме», входившей в четвёртый том.

---

¹² Аль-Кудс (Иерусалим) был захвачен крестоносцами 15 июля 1099 года.

¹³ Так называют мусульманина, совершившего паломничество в Мекку.

¹⁴ Именно в сторону Каабы обращаются во время молитвы все мусульмане мира. Расположена во внутреннем дворе «Заповедной мечети» Мекки — аль-Масджид аль-Харам.

Вид на Каабу. С иранской почтовой открытки

«Знай, что бедность представляет собой лишённость нужного. Лишённый же ненужного не называется бедностью», — написал он на лежавшем перед ним плотном листе бумаги и собирался, было, продолжить излагать свою мысль, как тут его прервали. В шатёр зашёл, извинившись, что нарушает покой имама, начальник каравана из Аль-Кудса.

— Уважаемый имам, — сказал он. — Завтра мы отправляемся в обратный путь. Подготовьтесь, пожалуйста, к поездке, мы выступаем, *Иншааллах*¹⁵, сразу же после утренней молитвы.

— Спасибо, хаджи, за заботу, — ответил Мухаммад. — Но я не присоединюсь к вам, останусь здесь, чтобы завершить начатое дело — написание книги, полезной для всех мусульман. Называется она «Воскрешение наук о вере».

— Успеха Вам, имам. Вы делаете благое и нужное для всех нас дело. Храни Вас Бог.

— Спасибо. Счастливого пути.

---

¹⁵ *Иншааллах* (араб.) — «Если будет угодно Богу», «Бог даст».

Попрощавшись с караванщиком, спешившим по своим неотложным делам, Мухаммад вновь взялся за *калам* и продолжил работу.

«Если ты понял это, — развивал он свою мысль, — то не усомнишься в том, что каждый существующий, за исключением Всевышнего, беден, ибо во втором случае он нуждается в продолжении своего бытия, а продолжение бытия исходит от сущности Всевышнего»¹⁶.

Работа успешно продвигалась и наступил, наконец, тот долгожданный момент, когда Мухаммад поставил завершающую точку в последней книге четвертого, заключительного тома.

Написанный им трактат насчитывал более пяти тысяч страниц ёмкого арабского текста. Первый том назывался «Обряды», второй — «Обычаи» третий — «Погубители», четвертый — «Спасители». В них подробно рассматривались вопросы обязанностей мусульман, нормы общественной морали, включая такие важнейшие институты межчеловеческих отношений, как брак и гостеприимство, говорилось об обуздании человеческих грехов — вожделения, злобы и скупости, о терпении, покаянии и богобоязненности, к которым должен стремиться человек ради спасения своей души. И о многом, многом другом, важном и нужном каждому мусульманину.

Завершив главный труд своей жизни, Мухаммад почувствовал, что более чем десятилетний период его отрешения от всего мирского подходит к концу, теперь он может возвратиться в Багдад, к оставленным там жене и дочери. Его сердечные сомнения ушли, ибо он сам преодолел их упорным трудом и молитвой, окреп в вере, обогатился духовно.

---

¹⁶ Цитаты из сочинения имама Газали приводятся в переводе В. В. Наумкина, опубликованном в его кандидатской диссертации «Учение ал-Газали [1058/1059–1111] и его социальная сущность» (М., 1972).

Багдад

Вернувшись в Багдад, Мухаммад, естественно, сразу направился к дому, в котором жил до того, как началась его спасительная отшельническая жизнь. Найдя его без особого труда, он негромко постучал во входную дверь своего прежнего жилища. Дверь вскоре открыла похудевшая и слегка поблёкшая в своей прежней красоте Сауда.

Перед ней стоял чем-то похожий на ее мужа Мухаммада, но в то же время разительно отличающийся от него немолодой мужчина, одетый в общепринятую одежду мусульманского учёного. Его на редкость выразительные глаза излучали неподдельную благодать и большую внутреннюю силу. Такие глаза в представлении Сауды могли быть только у потомков Пророка и больших исламских учёных — имамов, и она почтительно поприветствовала гостя, сказав:

— Добро пожаловать, имам. Проходите в дом.

— Это ведь я, Сауда, твой муж Мухаммад.— ответил пришелец.

Сауда стояла будто поражённая громом, не в силах поверить своему счастью и не находя слов.

На звук голосов прибежала Фатима, сразу сообразившая, что вернулся долгожданный отец.

— Папа, папочка,— закричала она и бросилась к Мухаммаду.

Тут и Сауда, не сдерживая слез радости, присоединилась к ним.

Мухаммад вновь обрёл семью, а вместе с ней тепло и уют родного дома. Отшельничество завершилось, и вышел он из него другим — просветлённым и обновлённым духовно.

Почти сразу же вслед за прибытием Мухаммада, повидаться с ним пришёл его любимый брат Ахмад. Братья обнялись, оба были очень рады встрече, им о многом надо было поговорить. Завершая беседу, Ахмад сказал брату:

— Теперь, когда ты, наконец, вернулся, я смогу спокойно уехать назад — в Тус.

— Не спеши, шейх. Побудь со мною, — попросил его Мухаммад.

— Нет, брат, я устал от Багдада. Он засасывает в бездонное чрево мирской жизни. Я этого не хочу. Уезжаю.

И, действительно, Ахмад вскоре уехал, договорившись с руководством Низамиййя, что место преподавателя в медресе снова займет Мухаммад. И хотя у того сердце теперь к этому делу не лежало, выбора у него здесь не было. Надо было осваиваться в новой жизни, прийти в себя, привести в порядок дела и дать возможность Сауде подготовиться к тому, чем он решит заняться в будущем. Мухаммад понимал, что Багдаду в нём места не было.

Как-то на одной из своих публичных лекций он вновь увидел Ибрагима Шебака. Тот приехал в духовную столицу Халифата по делам медресе, в котором преподавал. Дождавшись конца лекции, Ибрагим после традиционного разговора на общие темы, без которого нельзя приступать к серьёзным вопросам, поведал Мухаммаду о главном, что и составляло цель этой беседы.

Ибрагим Шебак начал с того, что как имама и авторитетнейшего учёного Мухаммада всё больше воспринимают

в качестве *муджаддида*¹⁷, то есть обновителя ислама. В соответствующем хадисе¹⁸ Пророка предсказывается, что такой человек появляется один раз в каждом веке по хиджре¹⁹.

Имам Газали в зрелые годы жизни.

Кадр из сирийского художественного сериала, 2010 г.

Для самоутверждения в этом качестве Мухаммаду было бы полезно прочитать, как ему, Ибрагиму, представляется, целенаправленный курс лекций в одном из ведущих учебных заведений — здесь, в Багдаде, или же в Нишапуре. Старый друг добавил еще, что, по его мнению, Мухаммад уже стал подлинным муджаддидом нынешнего — пятого по счёту — века, и искренне пожелал,

---

¹⁷ Влиятельный в Афганистане пуштунский род Моджаддеди (Муджаддиди) именуется так не случайно, поскольку восходит к муджаддиду XI века Ахмаду Сирхинди (имаму Раббани), проживавшему на территории современной Индии.

¹⁸ *Хадисы* — предания о словах и действиях пророка Мухаммада.

¹⁹ Хиджрой называется переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину. В данном конкретном случае имеется в виду система летоисчисления, принятая в исламе. За отправную точку в ней принимается 16 июля 622 года.

чтобы он навсегда вошёл в историю ислама в этом высоком качестве²⁰.

Поблагодарив Ибрагима, Мухаммад ответил ему, что не думает о славе, это — не для него. «На всё воля Аллаха, и пусть будет то, что предначертано», — добавил он.

Багдад же вновь, в который уже раз, проявил себя враждебно к Мухаммаду и его семье. В их дом опять пришла беда: тяжело заболела Фатима, и снова это была злополучная лихорадка. Лечение Фатимы занялись самые опытные, знающие эту коварную болезнь врачи, а Мухаммад с Саудой им всячески помогали и делали всё, чтобы облегчить страдания любимой дочери.

Мухаммад много и проникновенно молился, обращался к Аллаху, прося Всемилостивейшего о помощи и поддержке в такой беде.

Аллах помог, усилия родных и врачей увенчались успехом. Фатима поборолла болезнь, пошла на поправку, а вскоре и полностью выздоровела. Мухаммад и Сауда могли, наконец, вздохнуть с облегчением. Однако, чтобы подобное больше никогда не повторилось, они единодушно решили, что из Багдада надо уезжать.

И Мухаммад начал согласовывать вопрос об отъезде с руководством Низамийя. Его попросили не спешить, так как надо было найти кого-то, кто займет его место. Об адекватной замене речь, понятно, не шла, поскольку учёного, равного по знаниям Мухаммаду, в Халифате не было. Но место преподавателя не должно было пустовать, а на поиски достойного кандидата требовалось время.

---

²⁰ Так и произошло. По мнению мусульманских богословов, Абу Хамид аль-Газали рассматривается сейчас в качестве муджаддида пятого века хиджры.

Сам Мухаммад тем временем остро почувствовал зов родины, его потянуло в Хорасан, в родной Тус. Так получилось, что, будучи персом, большую часть своей жизни он провёл на Арабском Востоке, вдали от земли, где родился. Ему захотелось её вновь увидеть, вдохнуть знакомые с детства запахи, окунуться в тёплые волны персидской речи. Её он слышал время от времени и здесь, но там, дома, она была повсюду — омывала его, как необъятное ласковое море.

Окунувшись в это «море», имам Газали напишет ряд работ на родном для него персидском языке. Это, прежде всего, «Элексир (Философский камень, или Алхимия) счастья» (Кимийайе саадат), представляющий собой сокращённый вариант «Воскрешения наук о вере». Затем последовал «Путевой запас для грядущей жизни» (Заде ахират), в котором он изложил основные идеи «Кимийайе саадат», но в упрощенной форме, чтобы его лучше поняли неподготовленные читатели. В этом же ряду написанные имамом Газали на фарси «Совет (точнее — Наставление) владыкам» (Насихат аль-мулук) и глубокие по содержанию письма видным людям тогдашнего Ирана, а также фетвы по различным актуальным в той обстановке вопросам²¹.

В «Энциклопедии Ираника» эти работы называются «представляющими меньший интерес» чем те, которые были написаны на арабском языке». Однако в современном Иране их оценивают весьма высоко. Они воспринимаются как «ценнейшие произведения на языке фарси», подобных которым мало. При этом особо отмечается изящество стиля и совершенство слога имама Газали, отсутствие в текстах его произведений вычурности и претенциозности.

---

²¹ Есть и другие довольно известные работы, создание которых приписывается имаму Газали. Однако компетентные специалисты в большинстве случаев ставят его авторство под сомнение.

Любовь к родному языку никоим образом не умаляла в глазах Мухаммада аль-Газали силы и величия языка арабского. Он был как бы специально создан для научных рассуждений, написания трактатов и религиозных поучений. Ещё бы! Ведь это язык Корана! Именно на нём на вечные времена прозвучали Божественные откровения самого Аллаха. Поэтому арабский язык так красив и точен, похож на строгие математические формулы. Персидский же язык хорош иначе. Он как бы идёт не от разума, а от чувств человека, из глубин его души. Поэтому им так любят пользоваться суфии, по этой же причине на нём создаётся берущая за душу большая лирическая поэзия.

«Решено, — заключил Мухаммад, — надо возвращаться в Тус».

Тус

Тус встретил Мухаммада как родного, как отцы встречают своих надолго отлучавшихся, но вернувшихся домой сыновей. Всё здесь было ему хорошо знакомо и оставалось таким, как он помнил, без каких-либо бросавшихся в глаза изменений.

Даже Старый Лис Рубех продолжал, как и раньше, заниматься книготорговлей. Переписывание и продажа книг по-прежнему были делом прибыльным: люди тянулись, тянутся и будут тянуться к книгам.

При первой же встрече Старый Лис без обиняков попросил Мухаммада продать ему право на копирование и продажу написанных им книг, прежде всего, конечно же, его фундаментального труда «Воскрешение наук о вере».

Хотя Рузбех заметно сдал, он оставался таким же жадным и хитрым, как и раньше. Теперь к этому добавилась ещё и показная угодливость по отношению к Мухаммаду как к имаму, а также желание воспользоваться в своих корыстных интересах тем, что он когда-то работал у него, «дядюшки Рузбега», переписчиком книг.

Мухаммад обещал подумать, тем более что деньги ему были тогда нужны. Он давно намеревался возвести за свой счёт в Тусе мечеть и построить *ханаку*²² — обитель для ставших ему близкими по духу суфиев.

Возможности для осуществления таких планов у Мухаммада в принципе были, поскольку он долгие годы находился при Низам аль-Мульке и преподавал в багдадском медресе Низамийя. Всё это хорошо оплачивалось, причём особой щедростью всегда отличался незабвенный Низам аль-Мульк. Накопилось и кое-какое имущество в нишапурском Моаскаре и в Багдаде, которое давно следовало бы продать.

Сделать всё это надо было, конечно, так, чтобы после строительства мечети и *ханаки* остались средства для обеспечения жизни его семьи, а также для достойного приданого Фатиме. О себе Мухаммад не думал. Он уже давно привык обходиться самым малым.

Словом, забот предстояло много, и Мухаммад решил ими заняться вплотную без промедления. Имущество в Моаскаре и Багдаде удалось удачно продать, а с Рузбехом заключить договор на условиях, которые устроили обе стороны.

Началось строительство мечети и *ханаки*, но от контроля за продвижением этого важного дела Мухаммада

---

²² От персидского слова *ханагаһ*, имеющего несколько вариантов написания.

отвлекло неожиданное серьёзное обстоятельство. Фахр аль-Мульк, визирь ставшего правителем Хорасана Ахмада Санджара, столицей которого был Нишапур, попросил Мухаммада как имама и общепризнанного претендента на звание муджаддида текущего века взять на себя преподавание основных богословских наук в нишапурском медресе Низамийе.

Ахмаду Санджару, как сразу же понял Мухаммад, это было важно для повышения своего авторитета среди правителей некогда единой Сельджукской державы, созданной его отцом Малек-шахом и распавшейся на удельные султанаты после его смерти.

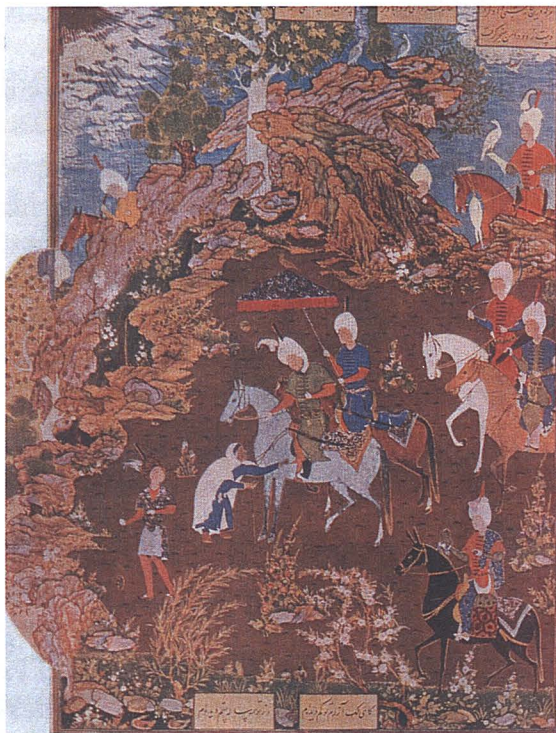
Ублажение правителей не отвечало внутренним убеждениям Мухаммада, и он вполне мог бы отказаться от выполнения просьбы визиря. Но визирь этот был сыном Низам аль-Мулька, к которому Мухаммад относился с большим и искренним уважением. В память о нём он не смог отказать его сыну и согласился ехать в Нишапур.

Нишапур

В Нишапуре Мухаммада встретили очень приветливо. При въезде в город его уже ожидали представители Низамийе, которые в знак уважения к приехавшему к ним светилу мусульманской учёности торжественно провезли Мухаммада по улицам Нишапура прямо к воротам до боли знакомого медресе. Внутри него кое-что изменилось, появилось новое административно-жилое здание с подготовленными для Мухаммада апартаментами, что очень его обрадовало. Поселяться там, где жил его Учитель Абу-л-Маали Абд ал-Малик бен Абдуллах аль-Джовайни

ан-Найсабури, заслуженно имевший такой высокий в глазах мусульман титул, как имам двух священных для них городов — Мекки и Медины, было бы для Мухаммада психологически трудно. И так на него уже нахлынула волна воспоминаний, вызывавших сложные, неоднозначные эмоции.

«Хамсе» Низами Гянджави²³. Художник Султан Мухаммад.

Табриз, 1539–1533.

Лондон. Британский музей

---

²³ На картине изображено, как старая женщина жалуется султану Ахмаду Санджару на обиду, нанесённую ей и народу султанскими сатрапами. Такое было возможным благодаря обычаям сельджукских правителей, уходившим своими корнями в их прошлую кочевую жизнь.

Уж слишком много он здесь, в Низамийе, пережил. Было и хорошее, было и плохое, и даже — увы! — трагическое, когда на глазах Мухаммада уходил из жизни его Учитель.

На следующий день после приезда Мухаммад был представлен слушателям Низамийе и приступил к преподаванию. Дело это было ему хорошо знакомо, но это не было возвращением в прошлое: Мухаммад теперь читал свои лекции не ради славы и известности, как это было раньше, в Багдаде.

По своей сути и содержанию его лекции представляли собой самое продвинутое, последнее по смыслу и значению слово в мусульманской науке. Если бы то, что произносил теперь Мухаммад перед учащимися, ложилось на бумагу, то мир ислама приобрёл бы ещё одно его гениальное произведение.

Лекции отнимали много сил, а возможностей для их восстановления у Мухаммада не было. Жилище — учебная аудитория — и снова жилище: вот и весь путь, который он проделывал за день. Сауды и Фатимы рядом не было, Мухаммад посчитал, что поездка в Нишапур могла бы обернуться для них ненужными трудностями. Они, конечно, остались в Тусе, который успели полюбить. Там они чувствовали себя значительно лучше, нежели в Багдаде.

Не посещал Мухаммад и Моаскар, он также порождал много разного рода воспоминаний, на которые не хотелось тратить силы, и так ощутимо убывающие.

В Нишапуре, как стало известно Мухаммаду, находился в то время Омар Хайям, с которым он был бы рад встретиться и поговорить, как это бывало раньше. От встреч и бесед с хакимом у него сохранились самые приятные

воспоминания. Но узнав, что Омар Хайям живёт затворником, Мухаммад решил его не беспокоить. Кто лучше, чем он сам, мог понять, насколько важным может быть для человека осознанный уход от всего мирского!

Прочитав в течение двух с небольшим лет запланированный им продвинутый курс лекций, Мухаммад остро ощутил, что не должен больше оставаться в Нишапуре. Просьбу сына Низам аль-Мулька он выполнил, воздав тем самым должное памяти этого так много сделавшего для него великого человека, и заслужил полное моральное право возвратиться в родной и любимый им Тус, к своей семье.

Фахр аль-Мульк удовлетворил просьбу Мухаммада о возвращении домой, и тот, тепло попрощавшись со своим коллегами-преподавателями и слушателями Низамийе, стал собираться в обратный путь.

В Тусе Мухаммада ожидали самые близкие ему люди — жена, дочь и брат. За минувшие годы его младший брат Ахмад стал известным суфием, и теперь его величали — Маджд ад-Дин Абу аль-Фотух Ахмад Газали ат-Туси²⁴.

---

²⁴ Почётный титул (*лакаб*) *Маджд ад-Дин* означал «Величие (Слава) религии», а кунья *Абу аль-Фотух* — «Отец побед». В 1114 году, уже после смерти старшего брата, Ахмад напишет книгу о метафизической сущности любви — «Афоризмы любви» (*Саваниһ аль-ушиақ*), которая сделает его широко известным в мусульманском мире. Один из учеников Ахмада Газали создаст суфийское братство (тарикат) Сахравардийя.

ФАСЛЬ ТРЕТИЙ

Завершение земного пути

*В тот день, когда умру,
вы не заламывайте руки,
Не плачьте, не твердите о разлуке!
То не разлуки, а свиданья день.*

Джалаладдин Руми

ТУС

Вернувшись в Тус, Мухаммад решил больше отсюда не уезжать. Здесь он жил, здесь обучал исламу земляков, здесь молился Богу в возведённой на его средства мечети, здесь же подолгу находился в построенной им для суфиев ханаке, беседуя с ними на интересовавшие его темы.

В мечети определилась однажды и беспокоившая Мухаммада судьба Фатимы. На одной из произносимых им проповедей его внимание привлёк смыслённый юноша, задавший ему умный и весьма уместный вопрос в связи с непростой темой, которую он затронул.

При общении с ним после лекции выяснилось, что родом он из селения Газале, в котором родился и сам Мухаммад. Юноша стал вхож в его дом, его визиты не остались незамеченными юной Фатимой, он ей понравился. Со временем, с согласия Мухаммада, он был объявлен её женихом. Вскоре сыграли свадьбу, и Фатима перебралась жить в дом к мужу.

С уходом дочери жизнь Мухаммада и Сауды резко изменилась. Оба они, конечно, хорошо понимали, что рано или

поздно девушка обязательно покинет отчий дом, но без нее он внезапно и непоправимо опустел.

Мухаммаду хотелось слышать звонкий голос дочери, отвечать на интересовавшие её вопросы, по-отечески заботиться о ней. И он, знавший всё и вся о человеке, его теле и душе, о браке и семейной жизни, по-человечески загрустил.

Возможно, его меланхолия была вызвана ещё и осложнившимся состоянием здоровья. Мухаммад никогда о нём не думал, не обращался к врачам, полностью тратил всего себя сначала на учёбу, а потом на научную работу, преподавание и наставление на правильный путь других.

Так или иначе, но Мухаммад стал всё чаще задумываться о смерти и теперь, на 54 году жизни, реально почувствовал её приближение.

В понедельник 19 декабря 1111 года он направился в торговую часть города и купил там саван. Зайдя в мечеть, сотворил идущую от сердца проникновенную молитву и пришёл домой. Ничего не сказав Сауде, составил предсмертную записку, в которой попросил не переживать по поводу его кончины и не проливать слёз. «Относитесь к моему телу как к временному прибежищу моей души, как к одежде, которую я носил, или как к жилищу, в котором я обитал», — написал Мухаммад.

Вечером того же дня, ближе к полуночи, он совершил полное ритуальное омовение и, расстелив на своей постели саван, лёг на неё и закутался в погребальное полотно. Закрыв глаза, Мухаммад ощутил божественный свет, который стал всё глубже проникать в его сердце...

Хоронили Мухаммада утром следующего дня. Хоронили уважительно, строго следуя требованиям шариата и воле покойного. За этим следил его брат Ахмад, приехавший

в Тусе за несколько дней до ухода из жизни Мухаммада. Как и просил Мухаммад, не было слёз, не было рыданий. Но боль утраты близкого и любимого человека, конечно, была, хотя и тщательно скрывалась.

Погода стояла пасмурная и холодная, как и водится здесь в декабре. Но когда наступил момент предания тела Мухаммада земле, тучи внезапно разошлись, и вышло яркое, почти весеннее солнце, что было воспринято всеми присутствовавшими на похоронах как доброе знамение.

Как будто именно о нём, имаме Мухаммаде Газали, написал проникновенные строки любимый иранцами поэт-мистик Баба Тахир¹, живший в конце X — середине XI века:

*Блаженны те, кому опорой был Аллах,
Кто верен был ему и в мыслях, и в делах,
Не забывал творить признательно молитвы —
И место заслужил в Раю, на Небесах.*

Имеются исторические свидетельства того, что в XIV веке месторасположение могилы имама Газали еще было известно. Академик В. В. Бартольд писал о том, что её видел, в частности, посещавший эти места знаменитый арабский путешественник Ибн-Баттута (1303–1377). Со временем, однако, месторасположение могилы стало забываться. И побывавший в Тусе в 1890 году известный русский востоковед-иранист профессор В. А. Жуковский уже не смог её найти².

---

¹ Баба Тахер.

² Бартольд В. В. Указ. соч. С. 71.

Не обнаружена она и сейчас, по истечении более чем девяти веков после его смерти³. Есть лишь разного рода предположения, где она могла бы в принципе находиться.

Нет и памятника имаму Газали ни в Тусе, ни в Тегеране.

Но память о нём осталась и живёт, говоря словами великого Джалаладдина Руми, «в сердцах просвещённых людей»⁴. Имам Мухаммад Газали — один из наиболее читаемых авторов в мире. Его труды заново осмысливаются в условиях современности, переиздаются и переводятся на многие языки. И это — подлинный, нетленный памятник великому мусульманскому учёному и мыслителю.

---

³ В декабре 2021 года исполнится 910 лет со дня безвременной кончины имама Газали.

⁴ Полный текст слов Руми:

*«После смерти ищите меня не в земле,
А в сердцах просвещённых людей».*

Об авторе

Островенко Евгений Дмитриевич — заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Кандидат исторических наук, специалист по Ирану и Афганистану, много лет работавший в этих странах.

Автор нескольких книг по проблематике Ирана и Афганистана.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Имам Газали – первый иранский ходжатольтэслам

1. Исторические, теологические и страноведческие аспекты темы 7
2. Основные вехи жизненного пути имама Газали 34

Часть II. Повествование о жизни имама Газали

Фасль первый. Начало пути, приобретение знаний и славы

Тус.....	39
Горган (Джурджан).....	49
Тус.....	56
Нишапур.....	59
– <i>В медресе Низамийе (У имама аль-Харамейна)</i>	59
– <i>В нишапурском Моаскаре (У Низам аль-Мулька)</i>	63
Багдад.....	81

Фасль второй. Многолетнее отшельничество и просветлённый выход из него

Дамаск.....	95
Аль-Кудс (Иерусалим).....	99
Мекка.....	101
Багдад.....	104
Тус.....	109
Нишапур.....	111

Фасль третий. Завершение земного пути

Тус.....	115
----------	-----

Об авторе.....	119
----------------	-----

*Научно-популярное (Часть I) и
литературно-художественное (Часть II) издание*

ОСТРОВЕНКО Евгений Дмитриевич

ИМАМ ГАЗАЛИ

Редактор и корректор *Т. М. Мастюгина*
Верстка *И. В. Федулов*

Подписано 09.09.2021
Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 7,625. Уч.-изд. л. 4,2
Тираж 500 экз. Зак. № 572

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran-izd@gmail.com

Отпечатано в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д.28
тел. (495) 651-84-56

ISBN 978-5-907384-58-3

Островенко Евгений Дмитриевич — заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Кандидат исторических наук, специалист по Ирану и Афганистану, много лет работавший в этих странах.

В книге рассказывается о выдающемся мусульманском мыслителе иранского происхождения — имаме Мухаммаде Газали (1058–1111) и об эпохе, в которой он жил и творил.

Предназначается тем, кто интересуется историей Ирана и мусульманского Востока в целом.